

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [В. Васильев](#)

- ☐
- ☐ [Глава I](#)
- ☐ [Глава II](#)
- ☐ [Глава III](#)
- ☐ [Глава IV](#)
- ☐ [Глава V](#)
- ☐ [Глава VI](#)
- ☐ [Глава VII](#)
- ☐ [Глава VIII](#)
- ☐ [Глава IX](#)
- ☐ [Глава X](#)
- ☐ [Глава XI](#)
- ☐ [Глава XII](#)
- ☐ [Источники](#)

В. Васильев

Оноре Габриэль Мирабо

**Его жизнь и общественная
деятельность**

Биографический очерк

*С портретом Мирабо, гравированным
в Лейпциге Геданом*

Глава I

Общество, в котором, жил и воспитывался Мирабо. – Его отец. – Образование, которое он получил. – Поступление на службу; невоздержанное поведение; заключение в крепость

9 марта 1749 года в замке Биньон, близ Немура, родился Оноре Габриель де Рикети, граф де Мирабо, из знатного рода, от Виктора де Рикети, маркиза де Мирабо, и Марии Женевьевы де Вассан. В это время дух французского дворянства средних веков существенно изменился. Когда-то эти дворяне считали себя владетельными особами в принципе равными государям. В XVI веке они были не только владельцами различных земель, но и рожденными представителями борющихся в государстве партий. Гизы стояли во главе католиков, Роганы – гугенотов. Выскочки, итальянцы Ришелье и Мазарини, сломили это гордое дворянство и превратили его в придворный штат королей. Среди праздной и беспутной жизни при дворе оно утратило все нравственные основы. Его непреклонный, феодальный дух превратился в малодушное, легкомысленное тщеславие. В то время, когда английское дворянство, управляя страной среди шумной свободы, вырабатывало в себе солидные качества, необходимые для государственных людей – знание, деловитость, опытность в политической и международной борьбе, – французское прививало себе одну легковесность. Не имея никакого серьезного влияния на государственные дела, никакой серьезной цели в жизни, дворянство старалось возвышать себя в общественном мнении роскошью и расточительностью, которые разоряли его и делали его положение все более безвыходным. Чем менее оно имело политической власти, тем более в нем становилось упрямого чванства, самодурства, необузданных наклонностей и деспотизма. В то время, когда дворянство и столь же беспутное духовенство проваливались в свое дутое величие, ученые и философы, вышедшие из среднего сословия, сыпали научными открытиями и великими идеями, которые сделали Францию светочем для всего тогдашнего мира. Перед славой интеллигенции и дворянство, и духовенство погрузились в тень. Интеллигенция создавала идеи, но не имела никаких путей для их осуществления.

Близорукое правительство по неопытности своей и не подозревало, как опасно оставлять мыслящую силу страны без дела. Сила эта, устраненная от работы, выразила свое неудовольствие тем, что всем своим идеям придавала резкий оппозиционный характер. Колорит этой резкости был тем ярче,

чем более дворянство и духовенство старались проявить перед правительством свое традиционное значение. Так как все идеи исходили от серьезно работавшей и мыслившей интеллигенции, то ими увлекались не только дворяне, но и короли Франции, государи и государственные люди всей Европы. На Людовике XV они отозвались, впрочем, разве тем, что он в интересах личных своих страстей освободился от традиционных предрассудков и придал демократический характер выбору любовниц. Традиция требовала, чтобы король брал последних из среды высшей аристократии, а он влюбился в дю Барри, принадлежавшую к числу женщин низкого происхождения. Другая любовница, ребенок пятнадцати лет, вместе со своим семейством заплатила за честь быть королевской наложницей продолжительным заключением в тюрьме.

Дворянство и духовенство мстили королям за утрату своего политического значения проповедью свободы и равенства, и это внесло в их среду двуличность и лицемерие. Восторженно мечтая о прелестях жизни естественного человека, бегущего от испорченной атмосферы городов, о суровой республиканской добродетели, презиравшей роскошь и способной на все ради сохранения свободы, они предавались необузданному разврату, безжалостно притесняли и глубоко презирали не только простой народ, но и средний класс. За привилегии свои они держались с тем большим упрямством, чем живее чувствовали унижение, отнимавшее у них влияние на государственные дела. Народ они презирали, а дикарей разукрашивали небывалыми добродетелями; рассказы Тацита о германцах воспламеняли их воображение, и Мирабо в своем “Опыте о деспотизме” цитирует этого писателя беспрерывно. Полный разлад между идеями и жизненной практикой окончательно лишил их нравственных устоев.

Такова была среда, в которой родился и жил юный граф Мирабо. От природы он был одарен необыкновенными способностями и такой впечатлительностью и страстностью, которую редко можно было встретить даже среди такого впечатлительного народа, как французы. Впечатления овладевали им с неудержимой силой, против которой он не находил в себе энергии бороться. При подобной натуре было весьма важно, чтобы среда направляла весь этот богатый запас энергии к добру, а вышло наоборот: к добру Мирабо должен был стремиться наперекор и назло среде; среда ненавидела его за это и поминутно, пользуясь его впечатлительностью, погружала его в бездну грязи. Особенность его положения заключалась в том, что фамилия Мирабо не принадлежала к коренному, феодальному

дворянству Франции: Рикети были купцы и разбогатели торговлей. Один из них в 1570 году купил замок Мирабо, а Людовик XIV сделал его потомка маркизом. Такое происхождение при знатности рода располагало их стать во главе плебеев, то есть среднего сословия. Французское дворянство находило, что этой семье никогда не удавалось окончательно вытравить в себе печать буржуазности: даже у великого Мирабо сохранялась буржуазная неуклюжесть и не было настоящего аристократического лоска.

Отец Мирабо представлял собой если не внешность, то дух дворян того времени. Исключительность его положения сделала его интеллигентным и начитанным. Он был одним из выдающихся писателей, и позже сын, цитируя слова своего отца, говорит о нем: “один знаменитый писатель”. Особенной известностью пользовались его: “l’Ami des hommes” (“Друг людей”) и трактат о податях “Theorie de l’impot”. Руссо всем своим существом и всеми инстинктами выражал восторженное вожеление и чутье будущего в народе. Мирабо-отец был не таков: он стоял за свободу, самоуправление, добродетель, благотворительность, но рядом с этим постоянно пересыпал свои сочинения цитатами из Священного Писания, настаивал на необходимости порядка и не слишком последовательно отстаивал даже неограниченную монархию. Таким маркиз был, однако, только в своих теоретических сочинениях; в действительной же жизни он олицетворял собою всю глубину нравственной распущенности, лицемерия и легкомыслия французского дворянства. Он был барин, разорявшийся самыми нелепыми спекуляциями, он влез в долги вследствие безмерного самомнения и невежественной предприимчивости. Сын говорит о нем, что он задумывал аграрные реформы, не умея отличить рожь от пшеницы. Самый посредственный лавочник не был способен делать те глупости, которые делал этот известный ученый. Он считал себя великим экономистом и весьма дорожил основанным им обществом для развития экономических знаний, на деле же оказывался самым поверхностным из дельцов. Он так резко проповедовал благотворительность и гуманность, так сильно восставал против того, что тогда называли тиранией, так усердно обличал откупщиков, что сидел за это в тюрьме и подвергался ссылке; однако же это не сделало его таким же противником деспотизма на деле, каким он был на словах. Свое семейство он безжалостно преследовал самодурством и деспотическими мерами; уверяют, что в течение своей жизни он выхлопотал у правительства шестьдесят семь указов, называвшихся “lettres de cachet”, которыми его жена и дети подвергались тюремному и

монастырскому заключению и ссылкам. Положим, это число преувеличено, но их все-таки было слишком достаточно для характеристики его тиранства. Отец Мирабо сам никогда не стеснялся удовлетворять свои страсти и имел любовниц, которые старались отбить его у жены и овладеть им навсегда; об его разврате рассказывают невероятные вещи, а между тем от жены своей он требовал строгих семейных добродетелей и жестоко преследовал ее по подозрению в неверности. В приданое за нею он получил два миллиона франков, а во время своих преследований держал ее в тяжелой нужде. Для сына своего он взял воспитателя, но скоро сменил его потому, что тот казался ему недостаточно строгим. Сына он ненавидел уже с двенадцатилетнего возраста. Ребенок возмущал его всем, даже своим добродушием и склонностью к благотворительности. Воспитателя Пуассона он заменил наставником Сигре, который обучил юношу латинскому языку. Уверяют, что это обучение было неудовлетворительно, однако же Мирабо в своих сочинениях сыплет латинскими цитатами: видно, что он читал римских писателей в подлиннике. Кроме того, он обучался военным наукам и в четырнадцать лет написал похвальное слово Конде. Пятнадцати лет он поступил в пансион, где его обучали математике и языкам.

Как многих дворян того времени, его готовили к военной службе. В одном из своих сочинений Мирабо говорит, что получил плохое образование и не имел наставника, но знакомство с тем, что он писал и говорил, убедит всякого, что он был человек начитанный. Из его произведений видно, впрочем, что он не получил систематического образования и не был приучен ни к последовательному мышлению, ни к строго систематическому изложению. Склад его ума был таков, что мало-мальски умелая рука воспитателя привила бы ему и то, и другое качество. Способность к глубокому и оригинальному мышлению в нем несомненна, но он не был приучен разрабатывать свои мысли до того, чтобы устранять из них противоречия и создавать стройное целое. При сильном его уме этот недостаток не замечен в его речах, но резко бросается в глаза в его книгах. В своем сочинении о тюрьмах для государственных преступников "*Des lettres de cachet et des prisons d'état*" Мирабо в одном месте, низвергая деспотизм, восхваляет народное управление, доказывает, какую силу свобода давала грекам; а в другом, восставая против остракизма, уверяет, что в греческих демократиях свободы вовсе не было, а господствовала тирания черни. Источником этих противоречий была необузданная страстность, с которой Мирабо отдавался всякому настроению; на

ораторской трибуне эта страстность не раз сослужила ему великую службу.

Подобно английским аристократам, Мирабо занимался самыми разнообразными предметами, но был способен приобретать основательные знания в отрасли, на которую обращал особенное внимание. Он уверяет, что по военным наукам сделал выписки из трехсот авторов и писал мемуары по всем их частям; из его сочинений видно также серьезное знакомство с историей и политической литературой его времени. Семнадцати лет молодой Мирабо уже окончил свое образование и поступил на военную службу в кавалерийский полк маркиза Ламбера. Отец поручил его особому надзору маркиза и прибавил к нему еще присмотр слуги. Однако сугубый надзор не помог: юноша проиграл сорок или восемьдесят луидоров, увлекся женщиной из народа и дал обязательство на ней жениться. Но возможно ли было позволить графу Мирабо жениться на ком-нибудь?

Мирабо говорит сам про себя, что первый порыв у него всегда был честный. Но первый порыв встретил неодолимый отпор, и юноша получил первый урок разврата. Легкомысленный, безнравственный взгляд его среды на отношения полов навязан был ему силою. Последствия показали, куда это привело при его увлекательном красноречии, очаровательном обращении, прелестном голосе и музыкальном таланте, а главное – при необузданной страстности, против которой ни он сам, ни женщины, производившие на него впечатление, не могли устоять.

Тому, что сделал Мирабо на первом шагу своей жизни, отец научил его своим примером. В юности он проделывал такие же вещи, подражая среде, в которой жил, и, дожив до седых волос, остался, в сущности, таким, каким был в молодости. Подобное настроение неизбежно следовало из нравственных воззрений и понятий о счастье тогдашней французской аристократии. А между тем, толкая и своим примером, и своими речами юношество на этот скользкий путь, французские аристократы понимали гибельные его последствия. Они восхищались своим безумством, но не могли не понимать горьких плодов этого безумства. Натолкнуть на такую дорогу такую талантливую натуру, как Мирабо, – натуру, способную сделать столько необычайного и полезного, было поистине великим преступлением, но Мирабо-отец не ведал что творил. Подготовив неопытному ребенку плачевную будущность, он был вполне неспособен раскрыть ему глаза и оградить его от опасности. Ему и в голову не приходило винить себя в тех заблуждениях, которыми сын начал свое жизненное поприще; он возненавидел

сына и, подобно другим аристократам, задумал обуздать его самыми крутыми и деспотическими мерами. Брат маркиза советовал выслать его в Суринам, где юноше пришлось бы погибнуть от невыносимого климата. Как по отношению к Мирабо, так и по отношению к другим юнцам из знатных семейств крутые меры оказались бессильными поправить то, что было испорчено дурным воспитанием.

Историки много рассказывают нам о разврате и распущенности французского двора; случается, что они упоминают о баловстве и безнравственной снисходительности правительства к порокам и необузданным поступкам аристократов, но никто не изображает обратной стороны медали для самих распутников. Эту обратную сторону можно вычитать из сочинений Мирабо-сына. Тут вы видите, что тюремное заключение и ссылка административным путем применялись несравненно чаще к семейным преступлениям аристократов, чем к политическим. По семейным преступлениям, за вину и без вины, юные и старые аристократы и аристократки страдали годы, умирали, сходили с ума в тюрьмах в несравненно большем числе, чем политические преступники. Отцы, жены, дочери, любовницы знатных любовников засаживали своих детей, мужей и родителей или ради их исправления, или чтобы избавиться от них и завладеть их имуществом.

Отец-Мирабо в своем “Друге людей”, говоря о распущенности французской аристократии, доказывает, что строгими мерами ничего нельзя сделать в борьбе с подобным злом; тут необходимы хорошие примеры и привычка родителей к воздержанности. Хорошего примера он сыну своему не дал, а испросил указ, по которому восемнадцатилетний граф был заточен в крепости на острове Ре, где и должен был провести целый год или полгода вдобавок к прежним его арестам по распоряжению Ламбера.

Глава II

Женитьба Мирабо. – Первое его произведение “Опыт о деспотизме”

Выпущенный на свободу граф испросил разрешение отправиться на Корсику. Корсиканцы в то время отстаивали свою свободу против притязаний генуэзцев и французов, и будущему герою французской революции пришлось начать свою общественную деятельность с подавления чужой свободы. Он поступил так, как тогда поступали все французские аристократы, но природа в нем показала себя; увидев, что делалось на Корсике, он пламенными чертами изобразил варварства, которыми сопровождалась борьба со свободолюбивым народом, на бумаге. Отец разорвал его рукопись. Свободолюбивый английский аристократ, конечно, ни в коем случае не согласился бы подавлять чужую свободу, но о такой последовательности поведения юный Мирабо и не слыхивал. Он поступил, как дитя природы. Увлекаясь воинственным азартом под влиянием окружающей его среды, он пошел воевать, а когда увидал, что происходит на этой войне, то страстно вооружился против нее; но и этот второй добрый порыв был подавлен так же сурово, как честное его желание жениться. Грубость среды увлекала Мирабо на ложный путь, а когда он сделался деятелем французской революции, ему пришлось жестоко каяться в своем поступке, который вменялся знаменитому трибуну его врагами в преступление. Ему нетрудно было отличиться на войне и получить чин драгунского капитана.

Брат Мирабо-отца, рыцарь Мальтийского ордена, балый Мирабо, считался олицетворением здравого смысла и гением-хранителем семейства. Ему естественно было желать прекратить скандал, произошедший между отцом и сыном. Он примирил их. Едва начав свою военную карьеру, юноша вышел в отставку и в 1769 году, двадцати лет, сделался доверенным по управлению имений своего отца, расположенных в разных провинциях Франции. Из специалиста по военному делу ему пришлось сделаться специалистом по сельскому хозяйству. Его подвиги на этом поприще едва ли были велики. Условия жизни и дух французской аристократии и тут заставили его показать такую же непоследовательность, какую он обнаружил, отправившись воевать против Корсики. В молодости Мирабо стоял на стороне своей матери и воевал с нею против отца. Теперь, под тяжким гнетом обстоятельств, он примирился с отцом и перешел на его сторону. С самых малых лет все его благородные порывы, его

пламенное стремление бороться против всякой несправедливости подавлялись самым жестоким и варварским образом; он получил воспитание раба, а не сына. И все-таки Мирабо не мог подавить того прекрасного, что вложено было в него от рождения; непосильная борьба сделала его двуличным, лицемерным; на каждом шагу будущий властитель дум должен был преклоняться перед тем, что он ненавидел, льстить злейшим своим угнетателям и восхвалять их. Там, где его страстная, деятельная натура взращивала в нем хорошее, вконец испорченная среда подавляла этот росток, а там, где он был слаб, где он соблазнялся блеском и развратом, эта среда толкала его всеми силами на ложный путь. К примирению с отцом могли склонить не только личные выгоды, но и нравственные причины: он имел полное основание уважать в нем выдающегося писателя и полезного общественного деятеля. Но человек последовательный не мог бы примириться с отцом, не примирив с ним и свою мать; во всяком случае, он не бросил бы мать на произвол судьбы и не перешел от одного из своих родителей к другому так, чтобы этот поступок получил незавидный колорит. Мать горько упрекала его за такое поведение и с презрением отвернулась от него.

Но таковы уже были тогда французские дворяне, – лицемерие было у них в крови. Они все горько жаловались на несправедливость, когда несправедливость эта относилась к ним, и так же поступали с другими, когда были прижаты к стене.

Обращаясь к истории, мы встречаем эту черту не только у французского дворянства XVIII века, – она вообще свойственна людям, стоящим на известном уровне развития; у них расходится не только слово и дело, но чувство и дело. В течение многих лет литература старалась выработать людей, у которых бы слово и дело совпадали, и все-таки ей это так мало удалось, что люди, у которых слово и дело расходятся самым резким образом, могут пользоваться восторженным поклонением. В Англии человек не мог бы иметь слушателей, если бы он проповедовал одно, а делал другое под предлогом греховной своей слабости. Мы увидим ниже, как дорого Франция поплатилась за легкомысленное лицемерие своих образованных классов.

Примирившись с отцом, Мирабо недолго довольствовался своим новым положением. Содержание казалось ему недостаточным, и он стал изыскивать средства к увеличению своих доходов. На помощь пришел опять дядя-балли, ангел-хранитель семейства, олицетворение здравого смысла. Государи женятся по политическим соображениям, отец-Мирабо женился по денежным. Брак вышел лучше, чем можно было ожидать: жена привлекала к себе мужа. По мнению жены, ее привлекательность

была для нее даже обременительна, во всяком случае, они произвели тринадцать человек детей. Олицетворение здравого смысла, балли находил однако же, что брак по расчету не может быть удачным, и до тех пор работал над его расторжением, пока ему не удалось развести мужа и жену безвозвратно. Как истинный сын аристократии, он, имея этот пример перед глазами, не задумался, однако, присоветовать своему племяннику брак по расчету для поправления своих денежных дел. Он посоветовал ему жениться на дочери маркиза Мариньяна. Выполнить такое намерение было не так-то легко: претендентов было много, и Мирабо – один из последних. Маркиз отказал ему, а отец Мирабо, оскорбленный в своей гордости, находил, что подходящей партией для его сына могла быть только владетельная особа. Чтобы все-таки достигнуть своей цели, Мирабо стал страстно за ней ухаживать и успел до того скомпрометировать девушку, что все думали, будто она ему отдалась. Родители уступили, и 22 июня 1772 года была отпразднована свадьба. Двадцати трех лет от роду Мирабо сделался мужем. Отец был доволен находчивостью сына, назначил ему 6 тысяч ливров в год содержания и обещал ежегодно прибавлять к ним по 500 ливров. Путем субституции, обходя второго своего сына, он сделал его владельцем большей части своих провансальских имений. Новобрачной он подарил драгоценностей на 12 тысяч ливров. Маркиз де Мариньян был гораздо менее доволен браком и назначил своей дочери только 3 тысячи ливров содержания.

К этому времени относится первое произведение Мирабо – “Опыт о деспотизме” (*“Essai sur le despotisme”*). Он задумал было написать обширную историю деспотизма, но чутье народного трибуна заставило его изменить свое намерение, и в три месяца “Опыт...” был готов; разумеется, он произвел гораздо более сильное впечатление, чем мог бы произвести обширный трактат. Внешне книга имеет самый странный вид: канитель в 336 страниц тянется без всякого подразделения на главы и наполнена пестрым содержанием. Но она дышит такой страстной ненавистью к деспотизму, что читатель только эту сторону и замечает. Под словом “деспотизм” автор подразумевает образ действия, а не образ правления. По его мнению, деспотические наклонности – в крови у человека, и свободные народы так же склонны к деспотическому поведению, как и неограниченные государи. Отец, очевидно, имел преобладающее влияние на его воззрения; книга составляет шаг вперед по сравнению с политическими идеями отца. Маркиз Мирабо в молодости своей был резким защитником самоуправления, в особенности местного. Под старость в нем ошетинился волк, он допускал самоуправление

только для землевладельцев и защищал даже автократизм и произвольные аресты. Мирабо-сын же резко восстает против всех защитников неограниченной власти и, прямо намекая на отца, попрекает физиократов в поблajках деспотизму.

Типично для того времени понятие о свободе, какое он высказывает. По его мнению, свобода человека есть собственность над собою. В настоящее время ни один ученый, ни одно цивилизованное законодательство не сделает такого смешения свободы с собственностью. Свобода есть суть человеческой личности, без свободы нет и личности, а собственность священна только потому, что она есть право личности над вещью. По современному русскому законодательству сделать личность собственностью есть преступление и признать свободу видом собственности – значит не понимать, что такое личность и что такое свобода.

Мирабо проповедует отсутствие притязательности. Он недоволен Англией и Голландией, потому что они так же, как неограниченные монархи, стремятся к завоеванию и завладению; его удовлетворяет одна Швейцария, довольствующаяся своей свободой и не стремящаяся к захватам. Он оспаривает идею Руссо о том, что наиболее естественное состояние для человека есть состояние дикаря, и доказывает пользу прогресса; но, вполне разделяя господствовавшее в его время настроение, он находит, что богатство и роскошь развращают людей и делают их неспособными к свободе. В этом случае он идет вразрез с воззрениями англичан и американцев. Республиканская простота, презрение к земным благам кажется ему первой, наиболее обязательной добродетелью для человека; свобода и только свобода должна одушевлять его во всех поступках; кроме этой свободы он ничего не должен желать, для нее он должен переносить все и на все решаться. Растлевающее влияние среды сказалось в этом учении самым серьезным образом; он так привык скрывать все хорошие свои порывы, говорить и делать одно на глазах у всех и думать другое в тайниках своей души, что ему казалось совершенно естественным, если слово и дело противоречили у него самым решительным образом. Влияние среды, жажда блеска породили в нем необузданную страсть к роскоши. Он женился на девушке, избалованной роскошью до крайних пределов возможного; новобрачные старались превзойти друг друга в расточительности и, несмотря на громадные доходы, наделали кучу долгов.

Воспитание Руссо стояло в этом случае гораздо выше: проповедуя известную идею, он старался применять ее на деле и приучать общество идти в том направлении, которое указывал.

Впрочем, изложение политического символа веры Мирабо в его “Опыте о деспотизме” так сбивчиво и изменчиво, что для того, чтобы его ясно уразуметь, мало прочесть это сочинение, но надо еще пояснить недосказанное им из другой его книги, “Об административных арестах и государственных тюрьмах”, которую он написал несколько лет спустя. Не прошло двадцати лет, как учение, изложенное в “Опыте о деспотизме”, стало казаться французам отсталым произведением времен рабства и подобострастия. В издании 1792 года издатель, стараясь извинить Мирабо, говорит, что эта книга, конечно, уже не соответствует современным понятиям, но нужно-де принять в соображение, что она написана в такие времена, когда неограниченная власть царила безраздельно. Однако в эти времена писал и Руссо, и никто не признавал его отсталым в 1792 году. Руссо был человек, обладавший инстинктами народа; он был правдив и в своих чувствах, и в своих речах; он старался показать на себе пример совпадения слова и дела и если отступался от себя и от своих мнений, то только потому, что давление, которому он подвергался, превышало его силы и его мужество. Мирабо же приучен был к лицемерию с малых лет безжалостным деспотизмом, которому подвергался, и не мог быть последовательным; вот почему он напрасно метал громы против деспотизма, каких Руссо не метал, напрасно низвергал неограниченную монархию, напрасно старался пойти дальше Руссо и заменить идею общественного договора идеей народовластия. Рыбка не клюнула на его удочку, в нем стали подозревать человека, который говорит одно, а может сделать другое, и ему не удалось стать выше Руссо.

Глава III

Расточительность Мирабо после свадьбы. – Его заключение в замке Мирабо, в Маноске, Иф, Жу и в Венсенской тюрьме. – Разлад с женою. – Роман с Софи Монье. – Его сочинения “Обращение к гессенцам” и “О государственных тюрьмах”. – Переписка с Софи Монье

Денежный расчет был главным стимулом, побуждавшим Мирабо вступить в брак, но после брака они с женой страстно отдались своему счастью, не помышляя о тех, за чей счет наслаждались. Заимодавцы, не получившие ни капитала, ни процентов, рвали на себе волосы и толпами осаждали должников. Пользуясь привилегированным положением знатного дворянина, граф отделялся от них бранью и даже палочными ударами. Типично для нравов французской аристократии, что даже такой человек, как Мирабо, не гнушался палочной расправы и прибегал к ней, управляя имениями отца, так что последнему приходилось его сдерживать. Священные и неотчуждаемые права собственности понимались кредиторами, и в особенности ростовщиками, иначе, чем графом, и они так допекали его, что он, чтобы от них освободиться, сам пожелал стать под защиту короля: если должник арестован по распоряжению короля, все притязания к нему прекращаются. Отъявленный враг деспотизма относился теперь несколько иначе к произвольным арестам, которыми он мог избежать законного суда. Бесцеремонно относился Мирабо не только к своим кредиторам, но и к своей избалованной средою жене, которая, конечно, не подчинилась молча оскорблению.

Больно рассказывать о слабостях испорченного средою человека, который способен был гореть истинным энтузиазмом к добру; но что делать, придется продолжить.

Нашелся мушкетер Гассо красивой наружности, который утешил негодующую супругу. Мирабо поступил, как тогда поступали люди его среды: он старался устроить любовнику своей жены выгодный брак, чтобы от него избавиться. Но – увы! – ввиду его долгов отец сначала заключил его по распоряжению короля в замок Мирабо. Тут юная чета, спустив все, что можно было спустить, продав фамильные бриллианты и драгоценные платья, принялась всячески разорять имение, в котором была заключена, – продавать землю, лес, движимость. Папаша не замедлил вмешаться в это дело; суд Шателе отдал сынка в опеку, назначил ему 3 тысячи ливров в год содержания, остальное должно было идти на покрытие его долгов. Из замка Мирабо-сын

был переведен в маленький городок Маноск, откуда тайно отправился в Ниццу по делам, а на обратном пути остановился в Грассе у своей сестры, Луизы Кабри, известной своим распутным поведением и подозреваемой в более чем братской связи с ним.

Разные скандалы и распространявшиеся по городу пасквилы обратили на графа внимание; у него произошла драка с бароном Вильнеф и за дракою – суд. Чтобы спасти его от судебного приговора, отец испросил королевское повеление, по которому 23 сентября 1774 года он был заключен в замке Иф, расположенном на скале близ Марсея. Коменданту предписано было строго содержать его и не позволять переписки ни с кем, кроме жены; но чиновники того времени относились снисходительно к юным зарвавшимся аристократам. Комендант не стеснял ни его свободы, ни свиданий, ни переписки. Ревность заставила Мирабо настоятельно приглашать к себе жену, которая веселилась в Париже под предлогом ходатайства об его освобождении; но жена уклонилась, получив известие о новой измене своего супруга от мужа его любовницы.

Мы привыкли хладнокровно читать о беспутстве и лицемерии аристократов, но не мешало бы нам вникнуть, сколько вреда принесло такое легкомыслие всему человечеству в лице такой гениальной личности, как личность Мирабо, чтобы устыдиться своей жалкой легковесности.

25 мая 1775 года Мирабо был переведен в Жу – замок, находящийся в Юрских горах. На этой высоте во время его прибытия земля еще была покрыта снегом. Губернатор Сент-Морис, поселив его у себя в доме, дозволил ему сначала охотиться, а потом и отлучаться. Отлучками своими Мирабо пользовался для изучения местности и ее истории. Здесь он писал о злоупотреблениях откупщиков податей и налога на соль. Тогда он получал 100 ливров в месяц и, не довольствуясь этой суммой, занимал где мог и на каких угодно условиях. Оказалось, что из прежних долгов графа значительная часть – дело рук самих ростовщиков, из этих денег он получил наличными только около одной трети, – остальное составилось из дутых векселей.

В местечке Понтарлье Мирабо познакомился с семейством Монье, которое играло там первую роль. Оно состояло из семидесятилетнего старика и двадцатичетырехлетней его жены, Софи Монье. Между хозяйкой дома и Мирабо завязался знаменитый в свое время роман. Монье смотрел на связь своей жены снисходительно. Мстительный старик хотел иметь сына, чтобы отстранить от наследства дочь свою Валдон, которую ненавидел. В это самое время за границей отпечатан был “Опыт о деспотизме”, и Мирабо делал тайные поездки в Швейцарию,

чтобы обеспечить его ввоз и распространение во Франции. Благоприятное обстоятельство, заключавшееся в том, что Монье желал иметь сына, не помогло; страстность и необузданность Мирабо испортили все дело. Своим поведением любовники наделали столько шуму и произвели такой скандал, что дальнейшее пребывание в Понтарлье сделалось для графа невозможным. 14 января 1776 года он исчез и долго скрывался в городе, где Софи ежедневно встречалась с ним.

Скрываясь в разных местах, он опять сошелся со своей матерью, которая стала хлопотать об определении его на военную службу. Отец испугался: мать, бессильная сама по себе вследствие своей безграмотности, приобретала в сыне могущественное перо. Жестокий маркиз возбудил к себе почти общую ненависть в своем семействе, и единодушное противодействие жены и детей наделало ему много горя. Чтобы избавиться от беды, он, видимо, решил держать сына своего в вечном заключении.

Когда положение графа в Понтарлье сделалось невозможным, Софи Монье переехала к своей матери в Дижон, а Мирабо тайно последовал за нею. Мать Софи не захотела покровительствовать их отношениям и заявила начальству о пребывании Мирабо. Но в это время взгляд на произвольные аресты и их жертвы, в том числе и нашего молодого человека, существенно изменился. Бессердечная ненависть его отца, который был во многих отношениях хуже сына, возбудила всеобщее негодование. Что он сделал, какое совершил преступление? – спрашивали люди. Он наделал долгов и попал в руки к ростовщикам; но ведь это дело между ним и ростовщиками; он пьяный подрался с Вильнефом; но мало ли пьяных, которые дерутся между собою? против этого достаточны обыкновенные полицейские меры; его отношения к женщинам были грязны, но тут ему подавали пример не только его отец, а и весь развратный французский двор. Неужели он за это стоил вечного тюремного заключения? Поступать с ним так, как с ним поступали, значило или убить, или до крайности ожесточить человека, богатого знаниями и одаренного необыкновенным талантом. Монтеро, к которому мать Софи обратилась с жалобой, делал ей наперекор все что мог, чтобы остановить карающую руку, и преследуемые любовники благополучно очутились в Голландии, где чувствовали себя в безопасности, прикрываемые республиканским режимом.

В Амстердаме Мирабо жил с Софи трудом и займами; одному французскому посланнику он задолжал девять с половиной тысяч ливров. Кроме того, они спустили здесь все, что Софи забрала с собою из дома во время бегства, а забрала она немало. Являясь неутомимым тружеником, Мирабо писал здесь неустанно. Его

“Совет гессенцам и другим германским народам, которых государи продали англичанам” вполне заслуживает названия подвига по отношению к притесняемым. В то время неограниченные мелкие государи Германии дошли до такого безобразия, что продавали войска свои на убой англичанам за деньги, а английское правительство посылало их усмирять возмущившиеся свои колонии. В сильной и красноречивой брошюре Мирабо советует войскам перейти на сторону колонистов. Эффект брошюры был поразителен. Все государи Европы почувствовали, до какой степени поступок их мелких братьев компрометировал режим неограниченной монархии в глазах всего тогдашнего мира. Нельзя было не ответить на брошюру, и государи ответили. Ответ дал Мирабо возможность показать все свое умственное и нравственное превосходство над ними. С высоты своего величия он осмеивает их невежество и поражает их логику, которая способна была вызвать краску стыда даже на лице восточного деспота.

Во время пребывания Мирабо в Амстердаме суд в Понтарлье произнес над ним приговор. За увоз чужой жены он приговорен к уплате Монье сорока тысяч ливров и к смертной казни. Через четыре дня после этого и Мирабо, и Софи Монье были схвачены в Амстердаме. Оказалось, что их безопасность в Голландии была вовсе не так велика, как они полагали. Она сводилась к денежному вопросу, и когда их враги сложились между собою, чтобы уплатить необходимые издержки, тогда и голландская конституция, и свобода не помешали произвольному их аресту. Прощай, семейная идиллия, работа утром, музыка по вечерам! Мирабо был заключен в Венсенскую тюрьму, и свидетелями его вокальных упражнений были немые тюремные стены; только много времени спустя он получил столько свободы движения, что мог во время прогулок привлекать своим пением к окнам прекрасных обитательниц Венсенского замка. Скандал получил такую огласку, что последние принятые по делу меры обсуждались в особом заседании кабинета под председательством Людовика XVI. Злополучный государь и не подозревал, какого страшного врага он приготовил себе, вмешиваясь в дела, которые благоразумнее было бы предоставить своему течению.

Когда прошло первое время строгостей, Мирабо в Венсенском замке предался чтению и писательству с такой же страстью, как и в других местах. Содержание он получал от своего отца, который теперь не соглашался платить более 600 ливров в год, или 50 ливров в месяц; сумма была так мала, что граф не мог порядочно одеваться и весь обносился. Тогда он написал книгу “Об указах за королевской печатью и государственных тюрьмах”. Цели своей

книга достигла: она способствовала всеобщему ожесточению против произвольных арестов и государственных тюрем, которое привело к знаменитому разрушению Бастилии во время революции. Хотя книга была запрещена и продавалась тайно, но доказано, что первая ее часть разошлась не менее чем в девяти тысячах экземпляров. Впрочем, тот ошибется, кто будет надеяться найти в ней основательное и всестороннее исследование избранного предмета. От “Опыта о деспотизме” она отличается только тем, что вдвое больше и разделена на части и главы. Содержание ее столь же пестро и включает в себе развитие тех же идей, то есть в сущности это та же филиппика против деспотизма, что и “Опыт...” При чтении в наше время она производит впечатление излишней ненависти к деспотизму переросла в манию, но тем сильнее она должна была действовать на современников, неустанно ударяя по тому же месту, одинаково наболевшему у всех. Относительно тюрем всего интереснее почерпнутый из личного опыта подробный рассказ о порядках Венсенской тюрьмы. Из его рассказа видно, что в течение более чем ста лет мало изменилось в этих порядках. Нигде казнокрадство не принимает таких грандиозных размеров, как в тюрьмах и по отношению к арестантам, в особенности к тем лицам привилегированных сословий, на содержание которых много отпускается казной. Наполеон III испытал при Людовике Филиппе такое же приблизительно тюремное заключение, как Мирабо при Людовике XVI, и настолько же возненавидел его, однако же мало улучшил.

Если сравнивать описание Мирабо с разоблачениями порядков во французских тюрьмах и на каторжных работах в семидесятых годах, горячо занимавших французскую публику по поводу амнистии коммунаров, то придется убедиться, что искусство обличать сделало большие успехи, а тюремное дело – почти никаких. Критика и разоблачения Мирабо слабы сравнительно с тем, что выведено было на свет божий относительно ссылок и каторжных работ коммунаров... Криминалисты много мудрили над тюремным вопросом, но часто ухудшали дело, вместо того, чтобы его улучшать, – тюрьмы и содержание арестантов стоили все дороже, но пользы от этого было мало. Одинокое заключение составляет несомненный шаг назад по сравнению с общим; работа в одиночном заключении – еще один шаг назад. В настоящее время люди, мало виновные, и даже почти невиновные принуждаются в одиночном заключении к работе, которая часто гораздо тягостнее каторжных работ.

Книга Мирабо “О государственных тюрьмах” не наделала и

десятой доли того шума, который произвела переписка Мирабо с Софи Монье. Тут перед глазами публики являлись в лицах герои “Новой Элоизы” в самом трогательном положении, и притом не вымышленные, а действительные. Книга читалась с жадностью и продолжала читаться в течение ста лет; в ней было много силы и красноречия, но зато немало искусственности и цинизма. “Новая Элоиза” Руссо была вымышленным произведением, но в ней было столько свежего, наивного чувства, столько глубокой искренности и нежной страстности, что она стояла намного выше произведения Мирабо. Публика сделала совершенно правильную оценку этих двух произведений: не было никакого сравнения между известностью сочинения Мирабо и славой романа Руссо. Еще менее было сравнения между Мирабо, с его полуграмотной и грубой Софи, и Абельяром с Элоизой; тут не было и тени возвышенного героизма Элоизы и ее глубокого сочувствия к великим идеям и борцам за них.

Глава IV

Тяжбы, которые вел Мирабо после освобождения из тюрьмы. – Брошюра по поводу учреждения ордена Цинцината. – Мадам де Нера

В Венсенской тюрьме Мирабо томился до 13 декабря 1780 года. Когда его выпустили, ему был тридцать один год. Свободу свою он должен был выкупить тяжкими унижениями: от матери ему пришлось перейти на сторону отца. Когда-то в пользу матери он писал брошюры, позорившие папашу и восхвалявшие добродетели мамы; теперь он выступил публично в защиту маркиза и произнес первую свою речь в парижском парламенте. Когда генерал-адвокат дал заключение в пользу его матери, он громко воскликнул: “Поистине, это значит венчать пороки!”

Отец отнесся к нему с презрением, находил его поведение неприличным и утверждал, что только в XVIII веке и во Франции можно приговоренному к смерти являться публично в суд и произносить там речи. Когда отец так высокомерно относился к унижительной роли, которую заставлял играть сына, ему не приходило в голову, что история заклеит за это не сына, слабость которого объясняется беспримерным гнетом, державшим его до тех пор постоянно в тяжком заключении и в ссылках, а бессовестного тирана, терзавшего все свое семейство и нагло считавшего себя вполне правым. Усилия сына не помогли отцу, он проиграл свое дело.

Долги и скука одолели сына, и для того, чтобы избавиться от них, ему нужно было добыть себе, по его собственному соображению, ренту в 60 тысяч ливров. Но для этого ему было необходимо принудить свою жену к совместному с ним сожительству. Висящий над ним смертный приговор служил для этого неодолимым препятствием. Он должен был сначала вернуть себе права состояния. Мирабо добровольно явился на суд, потребовал своего заключения под стражу и начал оправдываться. Разыгрался знаменитый процесс, который в свое время сравнивался с процессом Бомарше. Говорилось и печаталось в изобилии, скандальная хроника получила целый поток пикантных новостей. Трудно сказать, чем семейство Мирабо получило большую известность во Франции, – своими талантами и сочинениями или семейными скандалами; что читалось публикой с большей жадностью – их книги или брошюры, в которых разоблачались их пороки?

Молодой граф напрасно думал, что он отделается несколькими неделями заключения; враги так искусно затягивали

дело, что он просидел до августа 1782 года. Когда его выпустили, ему было тридцать три года; таким образом, оказывается, что большую часть своей молодости Мирабо провел в тюрьме. Во время процесса он обнаружил столько же юридической изворотливости, сколько дерзости и красноречия; этот процесс стоил ему 12 тысяч ливров. Дело затягивалось сначала судебными проволочками, а под конец тем, что он не хотел закончить процесс, не сделав ничего для Софи Монье. Незадолго перед этим у Мирабо и с нею последовал окончательный разрыв; он упрекал Софи в неверности, ревновал к каким-то монахам. Чтобы их примирить, ему устроили с нею тайное свидание в июле 1781 года, но вместо примирения свидание привело к безвозвратному разрыву. Все-таки для него было делом чести не выделять себя из их общего процесса; когда-то ей предлагали самые благоприятные условия, если она выделит свое дело, но она отказалась; Мирабо оплевал бы себя в общественном мнении, не сделав для нее ничего. Он сделал немного. Решено было, что Софи должна была оставаться в заключении в Жиенском монастыре св. Клары до смерти своего мужа и год после его смерти, сожительство их прекращалось, и она лишалась всех преимуществ, вытекавших из брака; в ее распоряжение предоставлены были проценты со стоимости приданого и ежегодная вдовья пенсия в 1200 ливров. Несчастливая покончила самоубийством.

Если мы над трупом злополучной самоубийцы оглянемся назад, то перед нами раскроется целое море грязи и ни одного отрадного явления, ни одной нравственной основы, ни одной светлой черты. В отвратительной комедии, которая перед нами разыгралась, замешано было множество аристократических семейств, лица самых разнородных положений и характеров и ни одного, которое в нравственном отношении возвышалось бы над другими.

Невольно приходит в голову, что скандальная хроника семейства Мирабо типична для нравов французского дворянства того времени: другие мыли свое грязное белье у себя дома, Мирабо же оглашали свои семейные дразги на весь мир и оглашали таким сильным языком, с помощью такого привлекательного изложения, что сделались известными не только во Франции, но и далеко за границей. Другие совершали свою семейную расправу у себя дома, а Мирабо-отец, задавшись мыслью разыграть из себя отца в древнеримском вкусе, строго карающего пороки своих домашних, устроил публичный скандал, никого ни в чем не исправив. На господство подобных нравов среди дворянства указывают слова самого компетентного в этих

делах лица, Мальзерб, в руках которого сосредоточивались семейные дела аристократии; не лишено интереса его замечание, что родители хуже детей. Скандал достиг своего кульминационного пункта, когда отец публично упрекал сына своего в преступной связи с матерью, и, по-видимому, такие ужасы, напоминающие нравы императорского Рима, были тогда также в ходу.

После освобождения Мирабо мог торжествовать только несколько дней и вынужден был бежать от отца и долгов в Швейцарию. Там он сошелся со многими замечательными изгнанниками, между прочим с Бриссо, будущим главою жирондистов. Для поправления своих дел ему оставалось одно: примириться с женою и воспользоваться ее богатством; но ни жена, ни ее родственники и слышать об этом не хотели. Мирабо решил взять силой то, чего ему не давали добровольно. Он явился в парламент Экса и потребовал, чтобы его жена или переехала к нему для супружеского сожительства, или удалилась в монастырь.

23 марта 1783 года, свидетельствуют историки, был великий день в истории французского красноречия: Мирабо защищал свое дело перед судом, а ему отвечал Порталис, великий юрист, поставивший себе вечный памятник своими работами при созидании знаменитого и ничем не превзойденного французского гражданского уложения. В этот день Мирабо в глазах публики вполне затмил Порталиса. Публика громко рукоплескала, хотя впоследствии оказалось, что инициаторами рукоплесканий были нанятые Мирабо клакеры. Утверждали, что он с такой силой уничтожал своего противника, что однажды Порталиса вынесли в обмороке. Толпа ломала двери и окна, чтобы его слышать; люди влезали на крыши, чтобы его видеть. Эрцгерцог Фердинанд Австрийский с женою спешили, чтобы не пропустить его речей. Он, по словам современников, стал божеством, боготворимым страною.

Каков же был смысл этих речей, которые производили такое сильное впечатление? Мирабо провозглашал, что он и его жена – два страстно любящих друг друга сердца; они постоянно стремятся соединиться, но враги им мешают; они только и думают друг о друге, но злые люди становятся между ними и не дают им насладиться той нежной любовью, тем упоительным счастьем, на которое они имеют несомненное, законное право. Не верьте тем бумагам, которые она подписала: они подписаны по принуждению; верьте тому, что она писала свободно, следуя одним порывам своего сердца, – и Мирабо читает выдержки из ее писем, полных страстного вожделения, дышащих одним

желанием – жить и умереть вместе. Если бы он мог иметь хотя малейшее сомнение в истинных ее чувствах, он никогда не стал бы домогаться того, чего он домогается: это было бы варварство, гнусность – ни на что подобное он не способен. Разве можно себя заставить любить? Всему свету были известны их взаимные измены, его любовные похождения, его отношения с Софи Монье; жену свою он позорил печатно и публично; письма, которые он читал, были написаны, чтобы ввести его в заблуждение в то время, когда она старалась его уверить, что хлопочет об его освобождении, а между тем домогалась продолжения его заключения. Все это не мешало графу сладко петь, а публике неистово рукоплескать и превозносить его красноречие до небес. Порталис был уничтожен его ораторским искусством и все-таки победил: Мирабо проиграл свой процесс, богатства жены ускользнули у него из рук. Пришлось начать новый процесс с отцом, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Суд оставил его под опекой, назначил ему нового опекуна, Виньона, от которого он должен был получить ничтожную, по мнению Мирабо, ежемесячную пенсию в 250 ливров.

Из произведений Мирабо, относящихся к этому времени, обращает на себя внимание его брошюра, написанная против ордена Цинцината, учрежденного в Соединенных Штатах. Американские консерваторы с Вашингтоном во главе задумали создать наследственный класс людей из высших офицеров армии, сражавшихся за освобождение Соединенных Штатов. Эти лица должны были принадлежать к ордену Цинцината, основанному в память войны за освобождение, и носить орденский знак, передававшийся по наследству; выдающиеся лица страны и даже иностранцы могут быть причисляемы к нему, если пожелают. Члены должны вносить известные суммы, из которых составит капитал, предназначенный для благотворительных и других целей общества. Орден имел уже десять тысяч весьма влиятельных членов, его президентом был выбран Вашингтон.

Для разоблачения этой затеи перед обществом Мирабо издал брошюру, переведенную на английский и немецкий языки. “Что такое орден Цинцината? – аргументирует он. – Это организация, которая создала себя помимо закона, сошлась добровольно с целью породить из себя наследственную военную аристократию и поработить страну, которая только что отвоевала себе свободу. В истории не в первый раз наследственная военная аристократия вытекает из добровольного союза влиятельных воинов. Римская аристократия была первоначально таким же добровольным союзом воинов; вначале они были так же бедны, как и прочее население, ничем от него не отличались. Члены ордена

Цинцината уже теперь возвышаются над обществом гораздо более, чем римские аристократы в начале своего существования. А из этих воинов-земледельцев, из этих Цинцинатов выросли гордые патриции, римские сенаторы, которые в своих деспотических руках держали весь тогдашний мир. Французская аристократия вначале также не была сословием, а состояла из высших военных офицеров; она сама себя сделала наследственной. Только понемногу аристократы выделялись из числа прочих граждан, а кончали тем, что признавали себя особой породой, делили все население на два класса: высший, предназначенный господствовать, и низший, судьбою которого было порабощение. То же будет и в Соединенных Штатах; члены ордена Цинцината сражались вместе с народом за его освобождение только для того, чтобы хитростью уничтожить дело его героических усилий. Демократия погибнет, и порабощение народа будет более тяжким, чем при господстве английского короля. Пусть американцы не забывают, что после свержения ига Тарквиния римская аристократия управляла плебеями с большей жестокостью, чем цари; гнет аристократии тяжелее гнета государей. Когда военная аристократия даст американцам почувствовать свою тяжелую руку, они восстанут, начнется смута, а смута кончится тем, что явится спасительный гений, который водворит над ними свою неограниченную власть. Всего опаснее добровольное отношение народа к подобному добровольному союзу, постепенное и незаметное развитие в нем раболепия. Народ вообще склонен преувеличивать заслуги, в особенности военные, и давать лицам, их оказавшим, слишком большую власть над собою. Если же люди, оказавшие заслуги, превращаются в наследственную аристократию, то происходит замечательное явление: чем дольше существуют аристократические роды, тем менее можно считать за живущей аристократией прав, вытекающих из заслуг; умаяясь в своем достоинстве, она оттесняет от заслуг лиц из народа, способных их оказывать, а между тем раболепное преклонение народа перед нею возрастает тем более, чем древнее делаются роды.

Брошюра была подвигом с его стороны. Таким образом, в его жизни на каждом шагу сменяются добро и зло, прекрасные, возвышенные и очень плохие поступки. Явление естественное для слишком впечатлительного и живого человека, с детства вращающегося в грязной среде и удрученного гнетом бессердечной тирании. Урок назидательный, над которым стоит приостановиться и призадуматься.

Теперь нам приходится рассказать эпизод, из которого видно, как окружавшая Мирабо грязная среда все более засасывала его.

Он влюбляется в незаконную дочь голландского аристократа Гарена. Ей было девятнадцать лет, и она носила вымышленную фамилию де Нера. Ни одна женщина не имела на Мирабо такого сильного влияния, и он признавал ее по сравнению с собою высшим существом. До этого времени все женщины, с которыми он сходил, не исключая его жены и любовницы Софи, подливали грязи в его и без того далеко не ангельское существование; теперь, наконец, появилась женщина, которая, удивляясь его гению, решила отдалиться ему с тем, чтобы смыть с него грязь, в которую он всегда готов был окунуться, и держать его в чистоте. Одну из главных причин его неблагоприятных поступков составляло его мотовство; она всячески старалась ограничивать его в этом отношении, уменьшала штат его прислуги, рассчитывала кучеров и лакеев. Когда он дарил ей бриллианты, взятые в кредит, она возвращала их ювелирам. Де Нера решила пожертвовать своим спокойствием, чтобы разделять все опасности его жизни, и прощала ему его неверности. Однако, несмотря на ее геройскую решимость, эта самоотверженная женщина не могла дожить с ним до дней его славы: поведение Мирабо в частной жизни было до такой степени невыносимым, что она вынуждена была его оставить. Их сожительство может послужить уроком для всякой нравственной женщины, которая вздумала бы пожертвовать собою и своей честью ради исправления порочного мужчины. Как бы ее влияние ни казалось ей великим, а его раскаяние искренним, все быстро исчезнет, старое возвратится, неспособный обуздать себя человек и с нею поступит так же, как поступал с другими.

Глава V

Мирабо в Англии. – Возвратясь оттуда, он пишет по поручению министра Колонна, воюет с денежными тузами и наконец получает дипломатическое поручение в Германию. – Письмо, обращенное к Фридриху-Вильгельму II при его восшествии на престол. – Неудавшаяся попытка получить дипломатический пост

Чтобы спастись от грозившего ему заключения, Мирабо бежал в Англию, Тут его деятельность приняла новое направление; он написал брошюру “О свободном плавании по реке Шельде” и проложил себе этим путь к дипломатическому поприщу. В интересах Франции он сделался защитником Голландии против справедливых, впрочем, требований австрийского императора. Брошюра опровергала притязания Австрии на свободное плавание по Шельде, необходимое для развития бельгийской промышленности, а ее автор замышлял союз между Францией, Англией, Голландией и Пруссией против Австрии и России с целью обуздать завоевательную прыть этих двух держав.

Книга обратила на Мирабо внимание государственных людей, и, когда он в 1785 году возвратился во Францию, то стал писать политические памфлеты в интересах министра Калонна. Известность его была уже так велика, что люди, богатые знаниями, соглашались быть его сотрудниками ради большего успеха его брошюр по современным вопросам. Это давало ему возможность развивать изумительную деятельность.

Дружба его с Калонном продолжалась недолго и кончилась враждою, но с этого времени он не переставал обсуждать злобу дня. С особенным усердием Мирабо нападал на дисконтную кассу. Врагом этого учреждения он оставался и в то время, когда играл свою первостепенную роль в законодательном собрании: тут он не только произносил против него речи, но печатал те, которые ему мешали произносить. Через искусные маневры дельцов акции банка поднялись с трех до восьми тысяч ливров, тузы плутократии поддерживали его. Это учреждение было не единственным, которое волновало Францию; в Испании учрежден был банк Сан-Карлоса, акции которого раскупались преимущественно французами. Третьим могущественным предприятием была компания для снабжения Парижа водою. Они вызвали в обществе страсть к спекуляциям и обогащению. Развился ажиотаж, – азартная игра на повышение и понижение; хитрые плуты быстро составляли себе большие состояния, а семейства, пользовавшиеся благосостоянием, разорялись во

множестве.

Мирабо понял, как сильно он мог распространить свою известность жгучими памфлетами по делу, которое всех так интересовало и от которого публика сходила с ума. Конечно, ему пришлось ожесточить многих весьма сильных людей, но зато он мог приобрести еще большее число горячих защитников. Всего важнее для него было то, что таким путем он мог обратить на себя еще большее внимание государственных людей. В высших сферах находили, что страсть публики помещать свои сбережения в предприятиях, громко кричавших о своих барышах и доводящих этим свои акции до безумных цен, бесплодно поглощает капиталы страны и вредит правительственному кредиту, бумаги которого не имеют сбыта. Когда министерству удалось понизить акции дисконтного банка, заинтересованные лица подняли такой шум, что само правительство в январе 1785 года вынуждено было сделать распоряжение в его пользу. Против этого распоряжения Мирабо восстал с такой силой, что министр Калонн счел его весьма полезным для себя союзником и дал ему поручение написать против банка Сан-Карлоса. Мирабо выступил против чудовищных монополий и произвел на публику такое потрясающее впечатление, что акции банка упали почти на половину своей цены.

Общество снабжения Парижа водою имело большую силу; его акции поднялись с 1200 до 3600 ливров. В своих нападках на него Мирабо встретил самый сильный отпор. На стороне общества был Бомарше. Один из самых влиятельных миллионеров того времени, Бомарше достиг высшей точки своей славы; как публицист, писатель и делец он имел одинаково громкую известность. Борьба этих двух сильных соперников представляла для публики весьма пикантное зрелище. Бомарше ловко подметил слабые стороны Мирабо и сумел выставить на вид общественное значение и пользу защищаемого им предприятия. Местами он относился к Мирабо с презрением и свысока, как к человеку, который за деньги работает для лиц, спекулирующих на понижение. Мирабо не остался в долгу и со своей стороны изображал Бомарше рыцарем наживы. Трудно сказать, насколько такая дуэль была назидательна для публики; но несомненно, что знаменитые писатели в этой перебранке являлись менее всего беспристрастными искателями истины. Лучшим произведением Мирабо в этой области было обнародованное в феврале 1787 года "Обличение ажиотажа" ("Denonciation de l'agiotage au roi et a l'Assemblée des notables"). Это была филиппика, достойная Демосфена. Мирабо пришлось спасаться бегством из страны, а грабители-биржевики продолжали прекрасно обделывать свои

дела с помощью того же министра Калонна.

В начале 1786 года Мирабо получил тайное дипломатическое поручение в Пруссию; ему не придавалось никакого официального характера, он путешествовал по Германии в качестве частного человека. Европейская известность, любопытство, возбуждаемое его личностью, открывали ему широкую возможность сблизиться с высокопоставленными людьми и без шума обделывать секретные дела. Но шила в мешке не утаишь: его дипломатическая миссия тотчас была угадана; Кауниц донес о ней австрийскому правительству. Фридрих Великий поручил выведать секретную цель его прибытия. Французский посланник д'Эстерно прочуял даже, что эта цель заключается в том, чтобы спихнуть его с места и дать другое направление французской политике. Мирабо тотчас же сблизился с великим полководцем того времени, герцогом Брауншвейгским, который в интересах Германии желал союза между Пруссией и Францией против Австрии. Другой сторонник союза, брат Фридриха, принц Генрих, также вошел с ним в сношения.

В августе 1786 года умер Фридрих Великий и вступил на престол Фридрих-Вильгельм II. Лишь только он воцарился, Мирабо адресовал к нему письмо, в котором дает советы относительно целей, какие король должен преследовать, чтобы облагодетельствовать свой народ. О международной политике, о политической реорганизации государства в ней почти ничего не говорится; все внимание сосредоточено на том, что тогда называлось подвигами просвещенного деспотизма, то есть на социальных реформах свыше. Записка содержит в сжатом виде символ веры Мирабо относительно социальных преобразований и социальной внутренней политики. Мирабо считался и сам провозглашал себя физиократом, но записка показывает, что он был слишком самостоятельный человек, чтобы идти по чьим бы то ни было следам; свои идеи он черпал отовсюду и вырабатывал независимо. Прежде всего и более всего он убеждает короля воздерживаться от слишком усердного вмешательства в частные дела; он находит, что главным недостатком Фридриха Великого была страсть опекать свой народ. Он все хотел делать сам, всюду вмешивался и потому сделался предметом самых наглых обманов, от которых его подданные сильно страдали. Зато Мирабо находит, что одну из лучших сторон характера Фридриха II составляла его терпимость по отношению к печати и к религиозным убеждениям; в этом он вполне достоин подражания. Правитель должен направлять все свои силы на развитие в Пруссии народного просвещения и интеллектуальной жизни. Вполне в духе своего времени Мирабо ратует против феодальных

прав и привилегированных сословий; сельскому населению он советует дать свободу, а главное – возможность вести самостоятельное хозяйство без излишнего сравнительно с другими классами обременения. По отношению к промышленности он ратует против монополий, против неправильного взгляда на деньги и на торговлю; но в то же время предлагает учредить нечто вроде государственного банка. Сильно порицая деятельность Фридриха Великого, тратившего много денег на фабрики, не окупавшие своих расходов ценою своих произведений, Мирабо рядом с этим проповедует нечто вроде учения о праве на труд: государство должно давать работу всякому, кто ее не имеет, а потому следует учреждать на государственный счет мастерские, где бы все оставшиеся без дела могли находить работу за достаточное вознаграждение. Наконец автор письма сильно восстает против того, что он называет военным рабством, против существовавшего в Пруссии принципа, по которому всякий обязан от рождения до смерти служить государству на военной службе, если бы это потребовалось; Мирабо советует уничтожить такое правило.

Деятельность Мирабо в Германии подробно известна из его дипломатической переписки, обнародованной впоследствии. Эта переписка, которую Людовик XVI читал будто бы с большим удовольствием, чем донесения французского посланника из Берлина, заключает в себе пеструю смесь скандальной хроники с серьезным делом и с характеристикой разных лиц, игравших политическую роль. Он старался вызвать единодушие в действиях Пруссии и Франции по отношению к политическому движению, происходившему в то время в Голландии, и написал брошюру с целью поддержать партию движения в этом государстве. Но партия движения была побеждена с помощью Пруссии во вред Франции, и преследуемые ее деятели должны были бежать в последнюю страну. Так же мало он успел сделать что-нибудь серьезное для обуздания властолюбивых замыслов России и Австрии; ему оставалось бессильно повествовать о том, как Екатерина завладевала Курляндией. Очевидная цель его усилий заключалась в том, чтобы открыть себе дипломатическое поприще через назначение к какому-нибудь, хотя бы второстепенному, государству; Мирабо настоятельно, но бесплодно домогался места и, когда окончательно лишился всякой надежды на удачу, возвратился в свое отечество. После его возвращения начался тот великий переворот, в котором Мирабо суждено было играть такую выдающуюся роль.

Глава VI

Почему история Франции получила ненормальный ход. – Ришелье как источник этого ненормального направления. – Мирабо как результат его ошибок

С помощью злодейского царевубийства католическое духовенство отделалось от Генриха IV. Изменнически убит был единственный человек во Франции, который был способен дать нормальное направление развитию этой страны. Французы были слишком богато одарены от природы для того, чтобы страну можно было держать в безысходном невежестве в то время, когда во всей Европе поднялось интеллектуальное движение. Движение это началось с религиозного свободомыслия и постепенно должно было перейти в научное и политическое. Со вступлением на французский престол Генриха IV казалось, что дело получило для Франции самый благоприятный оборот. Нормальный ход развития в Европе требовал постепенного упадка влияния и силы католического духовенства, которое умело относиться только с крайней враждебностью к науке и к прогрессу везде, где они появлялись.

В лице Генриха IV на престол вошел человек, который только из политики принял католическую религию; все его симпатии были на стороне прогресса; самое влиятельное после него лицо в государстве, первый его министр Сюлли, был гугенот, преданный своей религии, но не отличавшийся фанатизмом. Если бы внутренняя политика Генриха IV успела укорениться и превратилась в систему и политическое предание, то влияние католического духовенства уменьшалось бы постепенно и с той же постепенностью развивалось бы и религиозное, и политическое свободомыслие. С той же самой постепенностью прогрессировала бы и политическая Франция. Религиозное мировоззрение Кальвина, гугенотов, пресвитериан, пуритан сильно располагало народ к развитию политических учреждений. Оно сделалось источником конституционной системы в Европе; Голландия, Англия, Соединенные Штаты Америки обязаны ей совершенством своего государственного устройства. Во Франции постепенное распространение и укоренение мировоззрения гугенотов дали бы тот же результат. При Генрихе IV король уже был естественным центром этого движения; хотя он был по духу своему гугенот и человек прогресса, но он сумел сделаться самым любимым и популярным из французских королей. Если бы его наследники умели сохранить эту популярность и продолжали покровительствовать размножению гугенотов и развитию их

мировоззрения, тогда им нетрудно было бы найти истинный путь для объединения государства и водворения в нем порядка. Им нужно было не уничтожать, а развивать центральные представительные учреждения, отделить низшее духовенство и дворянство от высшего и присоединить его к представителям среднего сословия и народа при существовании центрального учреждения, которое служило бы для них организационным центром. Отделение низшего дворянства и духовенства от высшего, производившего давление на королей, составляло прямой их интерес, что ясно обнаружилось во время французской революции. История признала Ришелье великим государственным человеком. Я решительно оспариваю господствующее мнение относительно его государственного ума. Ришелье и итальянцы, воспитанные в идеях Макиавелли, составляли тогда язву Франции. Ришелье отличался необыкновенной изворотливостью и искусством в достижении своих целей; он очень ловко умел завладеть властью и усилить ее в своих руках, но не в этом заключается государственный ум. Государственный ум заключается в умении понять истинные потребности народа в данный момент времени и направить государство на нормальный путь развития. Ришелье же сделал прямо противоположное: он выбил Францию из нормальной колеи, по которой она уже шла, и направил ее по ложному пути, на котором развитие ее постоянно замедлялось и сопровождалось рядом унижений и тяжких страданий. Вместо того, чтобы продолжать систему Генриха IV создавать королевскую власть, опирающуюся на интеллигенцию и народ, вместо того, чтобы приучать народ добровольно снабжать государство необходимыми для управления средствами, он создал власть, пропитанную иерархическими предрассудками католического духовенства с его безмерной нетерпимостью, к которой примыкали зачатки бюрократии. В то время, когда в Голландии, Англии и Соединенных Штатах Америки правительство было богато снабжено средствами к управлению, а влияние среднего класса и народа на администрацию способствовало развитию промышленности и благосостояния, во Франции развитие того и другого всегда было стеснено, несмотря на искусственные меры правительства, потому что внешняя политика прямо противоречила условиям их процветания. Англия и Голландия богатели через господство над морями; Франция могла бы весьма успешно соперничать с ними, так как ее берега были открыты с одной стороны к Атлантическому океану, а с другой – к Средиземному морю. Кроме того, она была могущественная держава, и ей было бы гораздо легче защищаться против притязаний континентальных держав, чем маленькой

Голландии, которая для ограждения своей государственной независимости должна была иметь государственный бюджет несоразмерной высоты. Возрастающее влияние среднего класса непременно направило бы политику Франции в эту сторону. Индия, Китай, экваториальные земли и острова давали такой обильный источник для материального богатства, что французское купечество не замедлило бы смотреть на них с тем же вожделением, с каким смотрело английское и голландское. Индия, вероятно, по крайней мере наполовину отошла бы к Франции, тем более, что континентальные границы давали ей благоприятные условия для миролюбивой политики: с одной стороны была Испания, находившаяся в упадке, с другой – мелкие государства, у которых не могло быть и мысли о расширении своих владений за счет Франции. Французским королям стоило подражать Елизавете и Генриху Английским, которые так искусно пользовались парламентом для усиления государства, развития свободомыслия и смирения духовенства и дворянства, и голландским штатгальтерам, которые через низшее духовенство опирались на народ и заставляли плутократию раскошеливаться. Короли французские могли достигнуть того же, расщепив католическое духовенство на высшее – ультрамонтанское и низшее – патриотическое; они могли обогащаться имуществами высшего с тем, чтобы улучшать положение низшего. Итальянцы Ришелье и Мазарини побудили королей опираться на высшее духовенство и тем исказили весь ход истории Франции. Людовик XIV, придерживаясь их системы, мог приобрести большую власть, но для этого он, точно так же, как Наполеон, должен был держаться самой заносчивой международной политики, которая точно так же, как при Наполеоне, дала в окончательном результате ужасное фиаско. Ложность пути раскрылась вполне; умственному развитию и народному благосостоянию нанесены были самые тяжкие удары, а дисгармония между государственными потребностями и средствами к их удовлетворению сделалась безнадежной. Благодаря природным способностям французов умственная жизнь во Франции при Людовике XIV все-таки опять расцвела и даже покрыла Францию великой славой; но она расцвела только для того, чтобы сделать положение монархии еще более ненормальным, а несоразмерность между потребностями государства и средствами к их удовлетворению еще более неустраимой. Весь народ, не исключая дворянства и духовенства, вслед за интеллигенцией вооружался против существующего порядка вещей и еще более ухудшал дело своими воззрениями и своим активным и пассивным сопротивлением. Все требовали перемены, которая

ввела бы государственную и социальную жизнь народа в более нормальное русло; все громко аплодировали оппозиции против правительства, но никто не хотел ничем поступаться для достижения цели. Положение прекрасно обрисовалось в борьбе правительства с парламентом. Парламент, с братом короля Филиппом Эгалитэ во главе, геройски протестовал против мер короля и, поощряемый громким одобрением страны, переносил за это гонения и ссылки. Однако же сам парламент составлял одно из ненормальных явлений и менее всего склонен был пожертвовать своим привилегированным положением. В стране, привыкшей к самоуправлению, к политической борьбе свободного народа, всякий прекрасно знаком с мыслью, что бороться с политической силой с надеждой на победу можно только противопоставляя ей превосходящую силу. В политической борьбе только тот побеждает, кто противопоставляет своему политическому противнику более могучую и лучше организованную партию. Политические борцы французской революции приняли на себя задачу низвергнуть весь существующий тогда порядок; они приняли ее на себя потому, что порядок этот действительно никуда не годился; он заключал в себе такое внутреннее противоречие, при котором все, от государя до нищего, чувствовали себя в одинаково безвыходном положении, все были одинаково возбуждены и недовольны. Но для достижения такой цели требовалось организовать силу, которая была бы достаточно велика, чтобы победоносно одолеть сопротивление людей старого порядка и на месте разрушенного создать новое, прочное здание.

Неустанная работа множества могучих умов и одаренных талантом деятелей, сильное фанатическое сопротивление людей старого порядка, сознание, что для ниспровержения этого порядка нужно громадное усилие и что его ниспровержение покроет французов неувядаемой славой, породили почти беспримерный в истории энтузиазм. Этот энтузиазм был вполне достаточен для свершения величайших подвигов, но для того, чтобы из него возник новый, более совершенный и прочный порядок, необходимо было, чтобы во главе народа стоял союз людей, способных создать и привить народу идею этого порядка. Все политические движения только при таких условиях и давали прочные результаты. Во Франции же в конце XVIII века об этом не только никто не думал, но всякая мало-мальски выдающаяся личность до крайности преувеличивала свое значение и свое влияние на народ. Неккер, Мирабо, Лафайет, Бриссо, Дантон, Робеспьер, Марат, Гебер – каждый воображал, что с ничтожной кучкой своих приверженцев он способен завладеть всей Францией

и вертеть ею, как ему будет угодно. Каждый из деятелей революции слишком мало думал о том, что другие люди имеют собственное, отличное от него мнение, способны подчиняться совсем другим влияниям и, руководимые этими влияниями, могут дать ему неодолимый отпор. Руководители народа слишком слабо чувствовали потребность обеспечить успех своего дела достаточным количеством союзников.

На истории Мирабо мы покажем, как шли дела при таком настроении выдающихся деятелей. Несмотря на всю свою известность, Мирабо нетрудно было заметить, что рядом с признанием своих талантов он внушал к себе немало отвращения. Все его усилия обеспечить за собою хотя ничтожный дипломатический пост остались тщетными; когда созваны были нотабли, он напрасно добивался должности одного из секретарей, и тут он оставлен был в стороне. Было слишком ясно, что ему оставалось одно – навязать себя путем давления общественного мнения. Лживость и распушенность людей того времени, особенно тех, которые стояли во главе общества, заставляли народ жадно искать людей правдивых, людей, искренно убежденных, у которых слово не расходится с делом, людей, которые не обманут, не продадут, не перейдут на сторону врага в критическую минуту и не возобновят после народной победы в свою пользу всех прежних беспорядков, не начнут распоряжаться с прежним произволом и самовластием. Всякий человек с государственным умом понял бы, что только тот может установить прочный порядок, кто в глазах народа сохранит репутацию безукоризненной, ничем непоколебимой честности. Мало того, он должен действовать не один, а в союзе с целым составом подобных людей; народ должен иметь гарантию, что если бы тот или иной государственный деятель вздумал увлечься честолюбием, то товарищи ему не позволят этого; они могут действовать дружно только до тех пор, пока осуществляют идею, а не затапывают ее в грязь. Мы уже видели выше, что Мирабо слишком мало заботился о том, чтобы слово и дело шли у него в ногу и по своему существу, и в глазах людей. Его мучительно тревожило ложное положение, которое он создавал себе этим, и все-таки он никогда не был в состоянии принять направление, которое сделало бы прочным как его собственное положение, так и дело революции. Задавшись этой целью, ему, конечно, пришлось бы одолевая величайшие затруднения; дух соперничества между первостепенными деятелями был слишком силен, стремление навязать себя всем и господствовать единолично царило между ними, взаимное презрение и взаимная ненависть преобладали. Все-таки выполнение этой задачи было

легче для Мирабо, чем для всякого другого, но он был слишком далек от того, чтобы понимать необходимость создать сплоченную силу и убедить в этом других. В первые дни революции он был единственной личностью, которая могла сгруппировать вокруг себя всех. Громкая известность предшествовала его появлению в рядах депутатов. Он причислил себя к ним со знаменем революции в руках, в качестве непримиримого врага старого порядка и привилегированных сословий. Но это не помешало бы ему войти в тесную связь с теми, в чьи руки в скором времени перешла власть: с Неккером, Лафайетом, Филиппом Эгалитэ, Талейраном и им подобными. Непримиримые Дантон, Робеспьер, Марат были тогда еще новичками; репутация великого народного трибуна делала из него естественного их покровителя. Если бы он сделался центром движения, если бы он стал опираться и на Неккера, и на Лафайета, и на Филиппа Эгалитэ, бывшего денежной силой якобинцев, и на жирондистов, с которыми он имел старинную связь; если бы он горячо и словом, и делом доказывал единство действия между людьми прогресса, то он имел бы в руках такую большую силу, которой новички-монтаньяры должны были бы поневоле покориться. Ему стоило только подражать еще слишком свежему образцу деятельности государственных людей Соединенных Штатов, смело положиться на народ, как это сделали руководители американского движения, и тогда народ принудил бы и Робеспьера, и Марата, видевших одно спасение в диктатуре, повиноваться себе.

Прошное Мирабо ни в каком случае не могло бы помешать ему идти по такому пути. В политическом отношении оно было не только безукоризненным, но героическим; никто из деятелей, выступивших на политическом поприще при открытии Генеральных штатов, не боролся в мрачные времена гнета так смело и так упорно за народ и за дело революции. Сиес выступал за среднее сословие, а Мирабо – за народ. Искренность энтузиазма, с которым он нес это знамя, не подлежала никакому сомнению. Упреки, которыми его старались втоптать в грязь, касались его расточительности, склонности к скандалам, безобразного отношения к женщинам, слабости писать памфлеты, наполненные грязными сплетнями и сальностями; но такой, хотя и весьма непохвальный, образ действия не имел ничего общего с политикой. Вся эта грязь не прилипла бы к нему, Мирабо легко смыл бы ее чистой водой политического энтузиазма, сумел бы занять то место, которое мог занять он один и которое бы сделало его руководителем великой революции. Основные достоинства ума и характера Мирабо, – те качества, которые в первые дни

переворота заставили всех смотреть на него как на народного трибуна, – влекли его на это место, а второстепенные свойства, дурные привычки и предрассудки, которыми он заразился среди грязи прежней его обстановки, не могли сделаться для него неодолимым препятствием к успеху. Прежняя жизнь приучила его прежде всего и более всего гоняться за эффектами, – за тем, что производит шум. Только подобные произведения и могли иметь значение как подпольная литература. В качестве подпольной оппозиции он привык нападать на признанный порядок, на всякое признанное величие и признанную популярность. Теперь, когда положение изменилось, когда люди, господствовавшие при старом порядке, низвергались в грязь, а величие и популярность переходили к тем, кто наступал им на голову, – эта привычка сделалась в нем существенным препятствием к успеху. Ему следовало поддерживать людей оппозиции, получивших господство, и затем вести дело демократизации общества далее на прочных основах в том роде, как действовал Джефферсон, поддерживавший Вашингтона, консерватора и аристократа в душе, и вознесенный потом успехами демократии на место президента. По сравнению с Джефферсоном Мирабо слишком мало был знаком с естественным ходом политических движений, а потому на первом же шагу сделал непростительную ошибку. После неудач в собрании нотаблей ему оставалась одна надежда – попасть депутатом в Генеральные штаты, которые тогда предполагались. Идея созвать штаты энергичнее всего проводилась Неккером; между тем, именно в это время Мирабо обрушился на деятельность Неккера всеми своими силами и делал отчаянные усилия, чтобы низвергнуть его. К чему это могло привести? Ведь враги Неккера могли воспользоваться талантливыми и сильными статьями знаменитого публициста, чтобы спихнуть министра и провалить дело Генеральных штатов, а вместе с тем и будущее Мирабо. Мирабо принадлежит первый почин нападок на людей, успевших приобрести великую популярность в борьбе против врагов народа, с целью стать выше их и обратить на себя всеобщее внимание силою своего слова, заставить всех говорить о себе как о человеке, по сравнению с которым идол, обожаемый народом, является ничтожеством. Он первый очертя голову кинулся на этот путь, не заботясь о том, какую дезорганизацию вносит в партию действия такая политика. Мирабо напал на Неккера за его связи с учетной кассой, между тем как он сам советовал прусскому королю учредить у себя учетную кассу для облегчения финансовых операций. Впоследствии Марат пользовался этим оружием с еще большим успехом, низвергая того же Неккера, Лафайета и Ролана. Партия

действия была разбита на мельчайшие фракции, и никакого прочного порядка, не только такого совершенного, какой установлен был великими государственными людьми Соединенных Штатов Америки, но даже порядка хотя сколько-нибудь удовлетворительного не могло установиться.

Революция сделала много, но сделано это было энтузиазмом народа, а не искусством его руководителей. Все великие дела того времени носят на себе характер случайностей, внезапно выброшенных в свет под напором восторженного настроения, созданного великими идеями уже умерших мыслителей. Они пробивали себе путь беспорядочно, без плана и руководства. Мирабо не только неpolitично отталкивал от себя тех, в ком ему следовало видеть союзников, а не соперников, но производил смуту между ближайшими своими друзьями. В подпольной литературе он привык безразлично пользоваться и своими, и чужими трудами. Он и во время своей политической деятельности продолжал выдавать работы своих друзей за свои произведения, не обращая внимания на желание их авторов. Талейран горько упрекает его за ненависть, какую он вызывает к себе таким образом действия.

Наступило время выборов в Генеральные штаты (Etats generaux). Мирабо нужно было позаботиться о том, чтобы запастись деньгами для состязания с другими кандидатами. 17 сентября 1788 года вышла его "История прусской монархии под управлением Фридриха Великого". Это многотомное сочинение считается самым капитальным произведением оратора. Оно заслужило одобрение даже со стороны его отца. Подобно другим его сочинениям, "История..." напечатана была за границей, и по обыкновению скрыто было даже место, где она печаталась. Необходимость печатать вне пределов Франции и ввозить свои книги, сжигаемые рукой палача, только контрабандой, разумеется, сильно уменьшала их доходность для автора; но Мирабо был окончательно неспособен подчиняться цензурным условиям, и ему оставалось покориться своей участи. Денег было мало, а все-таки он решил во что бы то ни стало добиваться звания депутата. Сначала он думал попытать счастья в Эльзасе, но затем отказался от этого намерения и обратил свои взоры на Экс и Марсель. Чтобы облегчить себе кандидатуру, он даже примирился с отцом и вел себя по отношению к нему с кротостью ягненка.

Глава VII

Избрание Мирабо представителем, среднего сословия. – Условие, при котором реформы могли быть осуществлены. – Правительство не понимает этого условия. – Палата среднего сословия должна преподать ему урок

Наступило время выборов. Мирабо отправился в Экс и Марсель и там обнаружил действительно редкое искусство. Он начал с того, что вступил в дворянское собрание в качестве графа Мирабо, члена старинного и знаменитого рода Рикети-Мирабо. Здесь он произнес вызвавшую громкий энтузиазм речь, в которой доказывал, что дворянское собрание не имеет права на существование прежде всего потому, что по началам естественного закона представителей может избирать только народ, а дворянство и духовенство не есть народ. Он высказал мысль, которая имела громадные последствия, что выборы должны производиться не отдельно каждым сословием, а всеми вместе в одном общем собрании. Первая попытка превратить избирателей отдельных сословий в избирателей народа повлекла за собою стремление представителей среднего класса слить три сословные палаты в одну земскую. Затем он доказывал, что дворянское и духовное собрания не могут почитаться даже просто сословно-дворянским и духовным, так как в них участвуют сословия не в целом своем составе, а только в незначительном их меньшинстве: между дворянами – только обладатели феодальных поместий, а из рядов духовенства – одно высшее. На эту речь дворянство ответило исключением Мирабо из своей среды, но зато он сделался популярнейшим человеком в Провансе и Марселе: не только средний класс и народ, но громадное большинство дворян и духовных было на его стороне. Он был могущественнее правительства. Люди, желавшие, чтобы собрание Генеральных штатов не состоялось, употребляли все свои усилия для возбуждения народных беспорядков. Беспорядки действительно происходили, и успокоение их было не под силу местной администрации, особенно в Марселе, где свирепствовал голод. Администрация отдала в распоряжение Мирабо всех своих агентов и просила его принять на себя дело успокоения народа; успокоение ему действительно удалось; речь, которую он произнес при этом в Марселе, приобрела историческую известность. Когда после всех своих подвигов Мирабо въезжал в города Прованса, его встречали с небывалыми в те времена манифестациями. Так чествовали тогда только королей. Собирались огромные толпы народа, неистово кричали: “Да

здравствует Мирабо!”, пытались выпрягать лошадей из его экипажа; перед окнами квартиры, в которой он останавливался, делались бесконечные манифестации; в Экс была выслана депутация из Марселя. Крестьяне Мирабо послали к его жене депутацию и просили ее жить с мужем, чтобы продолжать такой прекрасный род. В Марселе его квартира была украшена корабельными флагами, тысячи людей провожали его в театр и осыпали цветами. На следующий день, кроме толпы, его провожали сотни экипажей и всадников. Адвокат Бремон произнес прощальную речь, в которой торжественно уверял его, что они вечно будут ненавидеть его врагов. Марсельская молодежь не хотела от него отстать, провожала в Экс и там устроила ему торжественный въезд с факелами в руках. Целую ночь под его окнами играла музыка и устраивались серенады; на другой день ему дан был торжественный обед. Дело кончилось тем, что в Провансе он получил наибольшее число голосов из всех кандидатов и записан был первым из депутатов. В Марселе он был избран четвертым, но мог уже отказаться от этого избрания. В искусно написанном письме он благодарил марсельцев за оказанную ему честь, уверял их, что будет их представителем даже и после своего отказа. Если он отказывается, то только для того, чтобы дать им возможность избрать еще пятого представителя, так как четвертый, то есть он, Мирабо, будет заседать в законодательном собрании по избранию от другого места. Когда-то в конституционном клубе Лафайет советовал дворянам являться кандидатами на выборы от среднего сословия, а Мирабо говорил против этого; теперь оказалось, что Мирабо был выбран средним сословием, а Лафайет – дворянством.

Генеральные штаты состоялись; в них не было ни одного человека из рабочего класса; между представителями интеллигенции и среднего сословия наиболее выдающуюся роль играл дворянин Мирабо; во время торжественного шествия для принятия присяги заметили только одного крестьянина в национальном костюме. В стране свирепствовала буря; печать всеми силами старалась дискредитировать правительство; консерваторы и радикалы наперебой вооружали парижскую чернь и крестьян против министерства; рядом с газетами открывались клубы и волновали массы; денег было тем меньше, чем больше было беспорядков; управление сделалось невозможным.

В это время собрались представители народа с целью совершить радикальную реформу и полное переустройство в государственной организации. С чего они должны были начать? Все вожди народа – консерваторы, либералы, радикалы – должны

были бы сначала сойтись на общий совет, обдумать план действия, наметить основные идеи, выяснить, куда вести народ, как его успокоить, и создать новый, прочный порядок. При тогдашнем настроении умов, при господстве всеобщего энтузиазма создать соглашение первостепенных вождей всех партий – по крайней мере по отношению к основным устоям в деле народного успокоения – было настолько же возможным, как в Америке. Ночь 4 августа вполне это доказывает. Предположим, что внушить всем вождям народа столько здравого смысла оказалось бы невозможным, в таком случае следовало бы исключить немногих, окончательно неспособных понять, что своим упорством они готовят одну только гибель и себе, и другим. Затем друзья реформы, понимающие, что реформа неизбежна, что она в том или другом виде непременно совершится и что для всех одинаково важно, чтобы при этом сохранить спокойствие и порядок, должны были бы вместе с либеральными министрами собраться и условиться, как им действовать в законодательном собрании и вне его. Они должны были распределить между собою роли, заранее условиться, кому после кого и что говорить, так, чтобы не противодействовать, а содействовать друг другу и направлять каждый вопрос к намеченному решению. Мало того, они должны были идти далее, завладеть прессой и так единодушно проводить в ней свой план, чтобы заглушить все прочие голоса. Для этого им представлялась полная возможность уже потому, что в представительное собрание попали все выдающиеся писатели и ораторы страны; они легко могли завладеть и прессой, и клубами. Конечно, в толпе находились пока еще не проявившиеся таланты: Дантон и Марат были пока только зрителями, а не представителями; таким людям следовало в своей среде уделять столько же внимания, сколько они приобрели влияния в народе. Обо всем этом никто не думал.

Немедленно после открытия Генеральных штатов наступили известные в истории шесть недель, когда собранием среднего класса заложен был краеугольный камень, на котором воздвигнуто здание революции. Генеральные штаты созваны были для того, чтобы произвести радикальную реформу в государстве; чтобы открыть ему для этого возможность, среднее сословие получило право избрать 600 представителей, а избрание других 600 предоставлено было дворянству и духовенству вместе. Такое равенство голосов создавало шансы для безобидного успеха реформ; если бы привилегированные классы слишком заносчиво отстаивали свои привилегии, то среднему сословию стоило вотировать единодушно, чтобы получить большинство, ведь в

числе представителей от привилегированных сословий были такие люди, как Лафайет. Наоборот, если бы в собрании сделано было предложение слишком обременительное для дворянства или духовенства, то они, в свою очередь, могли отвергнуть его единодушным голосованием. Но такая возможность для предполагавшихся преобразований имела место только в том случае, если бы представители всех сословий заседали в одном общем зале и подача голосов была поголовная, а не посословная. Но если бы они подавали свои голоса отдельно по сословиям и в особенности если бы каждое из сословий имело veto по отношению к постановлениям других, то можно было заранее сказать, что и Генеральные штаты так же мало достигнут цели и так же кончатся полной неудачей, как собрание нотаблей. Поэтому избиратели многих местностей поручили своим представителям непременно настаивать на общих заседаниях, а некоторые даже обязали их вовсе отказаться от участия в прениях, если не удастся достигнуть общего собрания и голосования. Уже Мирабо-отец указывал на преимущества поголовного голосования, встречавшегося во Франции в местностях, имевших земство (*pays l'états*). Достигнуть общего собрания составляло задачу весьма мудреную. Господствующей формой этого времени были сословные собрания, и настоящие Генеральные штаты гораздо легче было понимать в качестве отдельного собрания трех сословий, чем одного общего собрания. Государства, наиболее развитые в политическом отношении, Англия и Соединенные Штаты Америки, считали одно представительное собрание весьма опасным для государственного порядка и требовали по крайней мере двух, из которых одно могло бы налагать veto на решения другого.

До сих пор у нас немало оказывается писателей, которые все злополучия первой французской революции приписывают тому, что законодательная власть находилась в руках одной палаты. Однако же прецедент собрания нотаблей доказал с неотразимой ясностью, что из Генеральных штатов ничего не вышло бы, кроме дальнейшего взаимного озлобления и ненависти между народом и привилегированными сословиями, если бы дворянство и духовенство заседали отдельно и пользовались правом veto. Напрасно видят якорь спасения в двух палатах: делать глупости можно и при двух, и при трех палатах и не делать их – при существовании одной. Если одна палата может вызвать беспорядки, ожесточая меньшинство, то при двух палатах неразумное сопротивление верхней может вызывать анархию, доводя до отчаянья большинство. Стоит познакомиться с историей Пиренейского полуострова и Южной Америки, чтобы

убедиться, что две палаты не сделают благоразумными неблагоразумных людей; они не избавили Соединенные Штаты от войны между аболиционистами и плантаторами. При тех условиях, в которых находилось дело, слить выборных в одну палату представлялось единственным путем, на котором возможен был успех. Энергия, обнаруженная при этом представителями среднего класса, вписала славную страницу во французскую историю; этим устранена была необходимость такой же междоусобной войны, какая разгорелась при Карле I в Англии. Но, создав единую палату, нужно было позаботиться о всеобщем соглашении. Когда дворянство отказывалось присоединиться к третьему сословию, тогда оно мотивировало свой образ действия тем, что оно превосходит третье сословие и образованием, и опытностью в государственных делах. В этом была доля правды, но именно поэтому оно сделало бы хорошо, если бы благоразумно и добровольно присоединилось к третьему сословию, чтобы облегчить проведение реформ и обеспечить их разумность. Последствия показали, что, сопротивляясь неизбежному, оно пострадало гораздо более. Если бы дворянство усердно принялось за оздоровление государства, то оно несомненно даже выиграло бы: возвратило бы себе утраченное влияние на государственные дела.

Глава VIII

От открытия Генеральных штатов до 4 августа 1789 года

Правительство было так мало знакомо с условиями, при которых могут правильно функционировать представительные учреждения, что ему на каждом шагу приходилось получать уроки. Вслед за открытием Генеральных штатов Мирабо без всякого разрешения стал издавать газету под заглавием “Генеральные штаты”. Правительство запретило ее. Мирабо вполне основательно доказывал, что народное представительство не может достигнуть своей цели, если избранные будут лишены возможности свободно высказываться в представительном собрании и иметь независимый орган для объяснений со своими избирателями. Париж взволновался, и ему тем легче было действовать, что его избирательные комитеты еще не были закрыты. Правительство испугалось и уступило. Мирабо продолжал свое издание под заглавием “Письма к избирателям”. Дело привело только к тому, что положено было начало привычке принуждать правительство к уступкам посредством народных волнений.

Лишь только народное собрание открылось, дворянская палата поспешила проверить свои полномочия и начать свою деятельность, но палата третьего, то есть среднего, сословия не признала такой проверки достаточной. Она находила, что полномочия представителей должны быть проверены в общем собрании всех палат, а потому приглашала дворянство и духовенство для совместной проверки. Когда же представители высших сословий отказались от этого, она объявила, что полномочия не могут считаться проверенными, избранные дворянства и духовенства не могут почитаться утвержденными в звании представителей, а потому палаты дворянства и духовенства не могут функционировать. Палата третьего сословия отказалась приступить к какой бы то ни было деятельности впредь до проверки полномочий. Дело поставлено было очень ловко: Генеральные штаты не могли функционировать без третьей палаты, требование этой палаты вполне разделялось общественным мнением. Для всякого было ясно, что, отказавшись от совместной проверки полномочий, привилегированные палаты могли сделать односторонний выбор и пристрастно устранять лучших из представителей. По этому поводу говорилось много прекрасных речей. Речи Мирабо можно назвать образцами красноречия. Он сам был преисполнен спокойного сознания

своего умственного превосходства над дворянами и духовными, заседавшими в отдельных палатах, и такое сознание своей силы он внушал представителям третьего сословия. Нелепая заносчивость и дворянское чванство унижались им с большим искусством. Еще более умело он относился к королю. Поверхностную сторону английского красноречия он усвоил себе превосходно, но, к несчастью, только поверхностную. Ни он, ни другие либеральные вожди не подумали о том, чтобы согласовать действия даже в такой важный момент, когда один ложный шаг мог низвергнуть дело реформы. Каждый дул в свою дудку, не обращая внимания на другого, и рассыпал удары без толку направо и налево. Мирабо называл Сиеса теоретиком, другие упрекали Мирабо в желании разделить сословия и тому подобное. Каждый был в оппозиции против всех, один предлагал одно, другой другое, и собрание принимало решения наудачу. Всех превзошел бестактностью и нелепостью король.

Слияние сословий в одно общее собрание составляло прямой интерес правительства – без него ни реформы, ни управление страной не были возможны; духовенство колебалось и выражало наклонность присоединиться к третьему сословию. Вдруг король стал на сторону дворянства. Мирабо в первых же письмах к своим избирателям с яростью нападал на Неккера; он бил его по самому больному месту, доказывая, что министр дерзко стремится наложить на мысль печать молчания. Неожиданно он вздумал, по совету Клавьера и Дюмона, сблизиться с Неккером. Попытка окончилась так, как можно было ожидать: они расстались еще более ожесточенными врагами. Друзья Неккера преследовали Мирабо, Мирабо преследовал Неккера; для всякого было ясно, насколько такой образ действия героев дня был полезен для успеха будущей реформы государства. Влияние общественного мнения весьма располагало к благополучному исходу дела, но вмешательство короля портило все. Дворянство держало себя с безрассудной кичливостью, а король его поддерживал, поэтому переговоры не могли быть успешными. Между тем палата среднего сословия видела, что все благоразумные люди в двух привилегированных палатах на ее стороне, а потому она решилась открыть им свои двери. Приглашали всякого представителя отдельно присоединиться к средней палате. Назначен был день, когда должна быть произведена проверка полномочий; в этот день сделали перекличку делегатов всех сословий и проверили полномочия оказавшихся налицо. С этого дня начали появляться в собрании представители от духовенства, и первые из них встречены были с восторгом. Настроение общества, громкие рукоплескания галерей дали делегатам от

среднего класса возможность сделать решительный шаг. Палата среднего класса вместе с находившимися в ней представителями из привилегированных палат провозгласила себя *Национальным собранием*. Она представляет девяносто шесть процентов французского населения, а потому имеет полное основание считать себя представительным органом народа; она не лишает избранных остальных четырех процентов права заседать в ее среде, так как всякая часть народа может посылать к ней своих представителей, но отвергает всякие с их стороны притязания на отдельное от нее существование в виде особых палат. Ведь после этого и делегаты от Сан-Доминго, которые именно тогда просились в собрание, могли бы, как представители колоний, провозгласить себя отдельной палатой; наконец любой член, любая их горсть могли бы требовать для себя отдельного равноправного существования. Мирабо говорил по этому поводу много и хорошо, но мнение его все-таки не было принято, а прошло случайное предложение; неизбежным последствием был разброд. Великое дело совершилось, будущность реформ была обеспечена, палаты дворянства и духовенства уничтожены, единое представительное собрание создано при громком одобрении всего народа.

Король собрал совет на секретное заседание. Крайние консерваторы под влиянием брата Людовика XVI, графа Артуа, будущего короля Карла X, взяли перевес: решено было принудить третье сословие к уступке и даже готовилось войско для подавления ожидаемого народного волнения. В этот день граф Артуа в первый раз погубил королевское семейство. В 1830 году ему удалось погубить его вторично – уже в качестве короля. Победенный Неккер подал в отставку. 20 июня Национальное собрание нашло двери залы, где должны были происходить его заседания, закрытыми – под тем предлогом, что зала переделывалась для общего заседания всех сословий, чтобы выслушать волю короля. Было слишком ясно, в чем должна была заключаться эта воля, необходимо было предупредить удар. Представители собрались в первом помещении, которое им представилось, и, решив, что их заседания действительны везде, где бы они ни собирались, поклялись не расходиться до тех пор, пока не создадут конституцию на прочных основаниях. Несколько дней тому назад они уничтожили палаты привилегированных сословий, теперь поставили себя в независимое положение от короля. Вся Франция ликовала и рукоплескала им.

23 июня король появился в общем собрании всех сословий и произнес речь, которую закончил словами: “Я приказываю вам разделиться и завтра заседать отдельно, каждой палате в

предназначенном ей особом помещении”. Дворянство и часть духовенства удалились вслед за королем. Представители среднего сословия остались, но в крайнем замешательстве не знали, что им делать. Вошел церемониймейстер и потребовал, чтобы они исполнили волю короля; наступила минута неловкого молчания. Мирабо вскочил и крикнул ему: “Мы слышали слова, внушенные королю. Но вы не можете быть его органом по отношению к нам; вы не имеете права ни заседать здесь, ни подавать вашего голоса, ни говорить... Я вам объявляю, что если вы имеете поручение удалить нас, то вы должны добыть себе право действовать оружием; мы уступим только вооруженной силе”. Опешивший церемониймейстер отступил перед Мирабо, как отступают по церемониалу перед государями: он вышел из залы задом. Слова Мирабо облетели не только всю Францию, но всю Европу; он стал героем в глазах всего цивилизованного мира. Граф Артуа с пособниками подготовили огромное войско, но войско не помогло, – достаточно было двух слов, чтобы его уничтожить. Мирабо предусмотрительно предложил немедленно после этого объявить личность народного представителя неприкосновенной. Собрание признало заслуживающим казни всякого, кто сделает или исполнит распоряжение об аресте, суде и осуждении представителя за сказанное или сделанное им в качестве избранника народа. В тот же вечер сорок два дворянина присоединились к Национальному собранию. Войско протестовало против мер реакционеров, зачинщики были арестованы, народ восстал и освободил их. Национальное собрание просило короля отнестись к восставшим милостиво, так как снисхождение скорее успокоит народ, чем меры строгости. Правительство оказалось без средств для борьбы, перепугалось и уступило. Король приказал всем трем палатам слиться в одну. После такой блистательной победы немудрено было укорениться злополучной привычке парализовать затеи двора народными манифестациями. Советники короля все-таки надеялись низложить Национальное собрание силой и стали стягивать к Парижу войска. Тогда Мирабо произнес едва ли не лучшую свою речь: он заявил, что Национальное собрание окружено стражею, что в окрестностях Парижа и Версаля собрано до тридцати пяти тысяч войска, которые угрожают ему, и предложил поднести королю адрес об удалении солдат. Предложение было принято с восторгом, а составление адреса поручено ему. Он написал обращение к королю, ставшее знаменитым на весь мир. В нем он доказывал, что войско не только не способно успокоить народ, но, наоборот, оно делается источником беспорядков, возмутит Париж и всю Францию. К королю послана была депутация, в

которой участвовал и Мирабо. Король ответил, что если Национальное собрание чувствует себя небезопасным, то оно может удалиться в Суасон. Неккер и его друзья окончательно ушли в отставку. Мирабо с Робеспьером стали сочинять новый адрес. Существует основание думать, что в эту минуту Мирабо сблизился с герцогом Орлеанским, Филиппом Эгалитэ, с целью низвергнуть Людовика XVI. Никто не располагал такими большими средствами для произведения волнения в народе, как герцог: он имел самых многочисленных и деятельных агентов, ему принадлежал Пале-Рояль, где производились все народные сходки и затевались все манифестации. Париж на удаление Неккера ответил новому консервативному министерству взятием Бастилии. Войско не помогло, и под ногами королевского семейства сразу открылась пропасть. Граф Артуа, который первый затеял все дело, малодушно бежал за границу, чтобы там изменнически интриговать против своей родины; началась эмиграция. Председатель Национального собрания жаловался на громадное количество паспортов, которое требуют у него представители.

На другой день после взятия Бастилии была послана новая депутация к королю с просьбой об удалении войска. Мирабо просил ее рассказать королю о бесчинствах дикой орды солдат, которая глумилась над всем, что священо в глазах народа, а члены царствующего дома и все близкие к государю угощали и поощряли ее. Так, по его мнению, подготавливалась Варфоломеевская ночь. Посылать депутацию не пришлось, Людовик XVI оробел и сам явился в Национальное собрание, чтобы возвестить ему об отзыве войска. Его приветствовали с единодушным восторгом; но затем, опять-таки под преобладающим влиянием Мирабо, составлен был адрес об удалении министров. Король согласился и на это: министры были удалены и возвращен Неккер. Вместе с тем для охранения порядка была создана национальная гвардия под начальством Лафайета; парижским мэром был избран Бальи. У них из рук Людовик XVI принял трехцветную кокарду. Консервативная партия, двор, дворянство были окончательно низложены, вся власть сосредоточилась в руках трех лиц: Неккера, Лафайета и Бальи. Мирабо, несмотря на громкие свои подвиги, ничего не получил, – ему никто не доверял. Лафайет располагал большими средствами, а Мирабо бился как рыба об лед из-за грошей. Смерть отца не помогла ему; все, что можно было передать, старик передал его брату, а затем так запутал дела, что с имения ничего нельзя было получить. Граф, с одной стороны, заискивал у короля, но его к нему и близко не пускали, а с другой – волновал

народ. Он тотчас же начал интриговать против Неккера, Лафайета и Бальи. Неккера он старался заместить министром из среды Национального собрания, надеясь, что в этом случае выбор падет на него. Когда выбирали парижского мэра, он упустил случай баллотироваться, а теперь добивался реформ муниципальных учреждений столицы с целью таким образом низложить Лафайета и Бальи. Вместе с Робеспьером они возбуждали парижское население, а так как и помимо их было достаточное число интриговавших, то немудрено, если народ доведен был до такой ярости, что умертвил бывшего министра Фулона и его родственника Бертье. Конечно, при этом обнаружилось бессилие Лафайета и Бальи в деле охранения общественного порядка, точно так же, как бессилие Неккера обнаружилось при его попытке спасти Безенваля, командовавшего войсками в Париже. Враги прогресса не смели и носу показать; открыта была свободная дорога к установлению самого совершенного порядка; общество, охваченное энтузиазмом, тем охотнее поддерживало прогрессивные идеи, чем более было в них внутреннего достоинства.

Но кто мог установить этот порядок? Все были во вражде друг с другом, и каждый был парализован всеми. Король и его братья старались любыми путями низложить друг друга. Министры, товарищи Неккера, интриговали против него; Неккер, Мирабо, Лафайет, Бальи были непримиримыми врагами. Мирабо с Ламарком был роялистом, с Робеспьером – демагогом.

Но если уничтожены были все условия, необходимые для создания прочных свободных учреждений, то возникла самая благоприятная среда для размножения неурядицы. Всю Францию охватил пожар; все только и думали о том, как довести народ до крайнего иступления. Люди, которые под охраною пристрастной администрации так долго и так безнаказанно тиранствовали над народом, бежали теперь из страны без оглядки в то время, когда их замки горели и имущество уничтожалось.

Но даже в эту печальную минуту французы совершали подвиги энтузиазма. Великая ночь 4 августа 1789 года была свидетельницей, как привилегированные классы сами отказались от своих привилегий; они сделали почин, отозвавшийся на человечестве неисчислимыми благодеяниями. Мирабо непременно следовало бы присутствовать при этом славном деле; он предпочел обозвать его “оргией” и в издаваемых им органах метал в него мелкой грязью придираков. Конечно, он умел высказывать свое скрытое неудовольствие так, чтобы не навредить своей популярности. Такое скрытое неудовольствие разделялось многими, и последствия его были печальны.

Привилегированные классы старались дать постановлениям 4 августа такой оборот, при котором их доходы увеличились бы, вместо того чтобы уменьшиться; издан был ряд постановлений о выкупе феодальных прав, и часто оказывалось, что народу приходится платить больше, чем прежде. Не трудно себе представить, к чему это привело во время такого крайнего возбуждения; обманутое население стало неистовствовать, и это послужило одной из важных причин, придавшей революции такой жестокий характер. Вышло то же, что было на острове Гаити: и тут сначала дали свободу, а потом взяли ее назад. Зато борьба между белыми и черными на этом острове сопровождалась такими же зверствами, какие нам слишком хорошо знакомы из истории борьбы турок с восставшими христианами.

Глава IX

Август и сентябрь 1789 года

Вместо “Писем” к своим избирателям Мирабо стал издавать “Курьер Прованса”. Издание велось небрежно, подписчики не всегда получали номера. Мирабо был слишком занят, чтобы заботиться о своей газете, и не сумел выбрать людей, способных его заменить. Он не прекращал издания только потому, что ему нужен был орган. В это время Лафайет проводил через Национальное собрание провозглашение неотчуждаемых прав человека. Собрание было засыпано проектами и избрало комиссию из пяти лиц для обсуждения всех предложений.

Руководящим лицом в комиссии был Мирабо. Не обладая даром философского обобщения, он был совершенно неспособен к подобному делу, сам это чувствовал и ругал возложенное на него поручение, как люди, взявшиеся не за свое дело, ругают непонятную для них задачу, которую им, однако, необходимо решить. В конституции Массачусетса неотчуждаемые права человека выражены в нескольких строках. Они остались непонятными для близорукой юриспруденции, всегда отличавшейся отсутствием философского смысла, но если бы она дала себе труд постигнуть эти немногие строки, то многие реформы, продиктованные жизнью в течение XIX века, были бы установлены на прочном философском основании, вместо того, чтобы инстинктивно блуждать в пространстве. Мирабо, попавший в чуждую ему среду, создал путаницу, в которой запутался сам и запутал других, и все-таки ни одной философской мысли ясно и глубоко не выразил. Он дошел до смешного, когда заговорил в таком акте о жалованье чиновникам и даже специально сборщикам податей. Он хотел показать себя трезвым государственным человеком среди мечтателей, а показал только малоспособным философом.

Собрание не удовлетворилось его докладом и приняло другие меры для разъяснения дела. Когда покончено было с неотчуждаемыми правами человека, тогда на очередь поступил вопрос об организации законодательного собрания.

Если бы Мирабо обладал государственным умом, то этот вопрос дал бы ему возможность проявить всю свою проницательность. Две палаты, имеющие право отвергать закон, прошедший через одну из них, в течение веков доказали свою несостоятельность. Они составляют учреждение слишком консервативное для того, чтобы требующиеся условиями прогресса законы могли проходить своевременно, не вызывая в

стране слишком сильного волнения. Чрезмерная сила консервативных элементов, созданная подобными учреждениями, превратила XIX век в век революционный. Между тем революционный путь развития сопряжен с существенными неудобствами: он питает неестественную вражду между различными классами, заставляет бояться прогресса, дает в руки самой грубой части общества оружие в виде вечных обвинений прогрессивных элементов в анархических стремлениях и тем еще более ухудшает дело.

Одна палата, которую создало из себя Национальное собрание, только что доказала легкость, с какой можно производить этим путем самые крупные реформы. Но вместе с тем обнаружилось, что прибегать к этому средству можно только при благоприятных условиях; в противном случае нетрудно разрушить прочные основы порядка. Причина разрушения этих основ во время французской революции заключалась в том, что предшествующее правительство не только не создало в народе привычек и обычаев, способных служить фундаментом для таких основ, но своим произволом воспитало в народе такие деспотические наклонности и замашки, при которых основы для свободной жизни не могли и образоваться.

Итак, задача состояла теперь в том, чтобы создать такой законодательный орган, который не был бы слишком консервативен и не задерживал бы прогресса, но вместе с тем прививал бы гражданам и их вождям привычки и обычаи, необходимые для того, чтобы в случае нужды можно было сделать крутой поворот через одну палату, не опасаясь вызвать анархию.

В те дни, о которых мы говорим, более чем когда-либо требовались деятели, способные понять, что Учредительное собрание должно было дать Франции законодательный орган, соединяющий в себе вышеуказанные качества. К несчастью, Франция не нашла такого деятеля даже в Мирабо; ему нельзя ставить этого в вину: и гений имеет свои пределы. При разрешении столь важной для будущего Франции задачи он увлекся посторонними целями, которыми ему менее всего следовало увлекаться. С тех пор как ему удалось приобрести в законодательном собрании большое влияние, его неотступно преследовала мысль сделаться министром. Чтобы достигнуть своей цели, ему прежде всего нужно было сблизиться с королем. Единственный путь к сближению представлялся ему через королеву посредством Ламарка. Его связь с Ламарком подвинулась так далеко, что в сентябре 1789 года, именно в то время, когда обсуждался вопрос об организации законодательного органа, он успел уже получить от Ламарка

пятьдесят луидоров.

Ламарк старается оправдать Мирабо и доказывает, что этот последний не продавал своих услуг. В то время, когда он боролся с биржевиками, его полемика будто бы почти не давала ему дохода; биржевики предлагали ему большие суммы, но он отказался от них. Все это весьма вероятно и вполне в духе Мирабо, тем не менее ему не следовало брать тайно деньги за то, чтобы действовать в пользу короля; такой образ действий по весьма веским и основательным причинам сильно преследовался тогда общественным мнением. В это крутое переходное время было делом первой важности, чтобы члены Учредительного собрания руководствовались исключительно своим понятием об общественном благе. Если Мирабо действительно так думал, как он говорил, то он тем более должен был опасаться брать что-нибудь от короля, чтобы не повредить этим своей репутации. Даже сам Ламарк вынужден сознаться, что Мирабо, выпрашивающий у него пятьдесят луидоров *взаймы без отдачи*, произвел на него жалкое впечатление.

С такими задними мыслями по вопросу об организации законодательного органа Мирабо сосредоточился преимущественно на том, чтобы доставить королю безусловное veto по отношению к законам, прошедшим через палату представителей. Аргументируя это, знаменитый трибун не затруднялся становиться в самое резкое противоречие с тем, что он проповедовал всю свою жизнь с необузданной страстью. Все написанное им о деспотизме государей было позабыто; теперь оказывалось, что собрание народных представителей имеет неодолимую тенденцию к деспотизму, оно не только не представляет собою народа, но стремится сделаться независимым от него и тиранствовать над ним; при первом случае оно объявит себя несменяемым и создаст из себя аристократию, которая тяжким гнетом ляжет на народ. Наоборот, интересы короля и народа солидарны, благосостояние и могущество народа возвеличивают короля, и поэтому король – естественный страж свободы народа и должен защищать его от деспотизма его представителей.

После пространного разглагольствования о королевском veto Мирабо только мимоходом коснулся главного вопроса об организации законодательного корпуса и прямо потребовал одной палаты; слитие всех народных представителей в одно собрание составляло дело, в котором он играл славную роль, о чем же тут толковать? Все чувствовали великое значение одной палаты для произведения реформ, что и было высказано в собрании с присовокуплением: удовлетворительна ли одна

палата при обыкновенных обстоятельствах? Одна палата – сильное орудие, но она заменяет диктатуру. Конечно, диктатура представительного собрания, диктатура большинства, лучше других диктатур, но все-таки она неудобна для обыкновенных условий. Текущая жизнь требует такой комбинации, при которой ни одна часть общества не могла бы подвергаться притеснению и ни одна не могла бы создать из себя препятствие прогрессу.

Этот великий вопрос остается великим и неразрешенным до наших дней. В сентябре 1789 года он составлял задачу самой первостепенной важности. Мирабо прошел мимо него и сосредоточился, – мы вынуждены сказать это с горечью, – на своем личном интересе. Не в оправдание ему, а для установления правильного взгляда на дело прибавим, что задача разрешалась неудовлетворительно не одним Мирабо, а всеми – и корыстными, и бескорыстными: она была не по плечу руководителям общества. В этот роковой час вожди не дали себе труда сойтись, обсудить, взвесить и прийти к общему, зрелому решению. Для этого у них не было свободного времени, они были слишком заняты пустячными счетами и решили этот важнейший вопрос торопливо. Как всегда, всякий тянул в свою сторону, и решение собрания было случайным.

Подслуживаясь королю, Мирабо принимал на себя немалый риск. Народ был сильно предубежден против veto короля и волновался; требовали, чтобы защитники veto объявлены были изменниками и врагами общества; имена их были обнародованы, как людей, выставляемых на всеобщий позор. В числе этих имен не оказывалось имени Мирабо, что показывает, как легко было среди неурядицы вводить народ в заблуждение. Мирабо употребил немало старания, чтобы довести до сведения короля, что он защищал *безусловное veto* в то время, когда Неккер советовал Людовику XVI просить для себя у собрания только *условное*, которое и было ему дано. Он выставлял напоказ свое консервативное превосходство над Неккером и все-таки никого не убедил; королева высказала Ламарку надежду, что никогда не будет поставлена в злополучную необходимость искать помощи у Мирабо.

Великий оратор усердно продолжал делать Неккеру разные подвохи. Некоторое время тому назад, когда Неккер просил себе право сделать заем, Мирабо предложил устроить заем под личное поручительство членов национального собрания; каждый народный представитель должен был поручиться в уплате известной части займа. Предложение Мирабо было отвергнуто, заем разрешен, но на таких условиях, что правительство не получило и десятой доли того, что должно было получить. Между

тем вследствие всеобщего волнения в стране положение финансов сделалось безвыходным, косвенные подати не уплачивались, прямые поступали туго, таможи, окружавшие Париж, были разрушены народом, и город остался без дохода, а между тем издержки росли ежедневно, огромное число рабочих оставалось без работы, что давало возможность каждому и при всяком случае производить беспорядки в народе, приходилось покупать по дорогой цене хлеб и продавать его по дешевой, производить бесполезные общественные работы и т.п.

Неккер составил финансовый план и представил его Национальному собранию. Мирабо предложил принять план министра без рассмотрения и оказать ему неограниченное доверие при его исполнении.

Расчет был верен. Неккеру оказана была большая честь, а между тем честь эта должна была его погубить. Отказавшись от рассмотрения финансового плана, представительное собрание сложило с себя всю ответственность за него и целиком возложило ее на министра. Не подлежало сомнению, что при том состоянии, в котором находилась страна, никакой финансовый план удался не мог и что после неудачи Национальное собрание будет очень радо свалить всю беду на популярного министра и выйти сухим из воды, уничтожив его популярность. Мирабо доказал, что он очень ловко умеет вредить своим врагам, но в данном случае для будущей его славы было бы полезнее, если бы он думал не о том, как вредить своим врагам, а о том, как избавить свое отечество от тяжких его бедствий.

Несомненное достоинство Мирабо – его красноречие. Но Робеспьер был красноречивее: когда он говорил, якобинский клуб и галереи законодательного собрания шумели с неудержимым энтузиазмом, восторгов нельзя было унять, председатель кричал: “К порядку, галереи, к порядку!”, грозился очистить их и прекратить заседание. Между представителями, наоборот, слышались ропот и возгласы: “Когда же заставят его замолчать?”

Эффект лучших речей Мирабо зависел от умения поднять в народных представителях чувство своего достоинства и поставить себя наравне со всем, что было во Франции наиболее великого и могущественного. Но и в этом отношении Робеспьер брал верх над Мирабо.

Когда до Мирабо доходили вести о том, как к Робеспьеру относились король и королева, он предостерегал их, что они не ограждены от его ударов. Король всячески старался оттянуть утверждение постановлений 4 августа и доказывал их неисполнимость. Мирабо в то самое время, когда требовал безусловного veto для короля, доказывал, что постановления 4

августа вовсе не требуют высочайшего утверждения, что он обязан их обнародовать, исполнить без всяких рассуждений, и только. Он запутывал сам себя с каждым шагом далее и среди мучительных нравственных страданий с открытыми глазами шел на свою погибель, увлекаемый неудержимыми страстями. Королеве он также грозил ударом, предложив, чтобы к регентству до совершеннолетия короля или по другим причинам могло быть допускаемо только лицо, родившееся во Франции. По-видимому, угрозы подействовали, и Ламарк предложил ему ежемесячную пенсию в пятьдесят луидоров. После этого Ламарк делал ему выговоры, иногда очень строгие, – если он говорил в собрании что-нибудь не нравившееся королеве. Мирабо извинялся, изъявлял искреннее раскаяние, даже плакал и умилял душу Ламарка разговорами о своей преданности. Сотни государственных людей продавали и себя, и свое отечество; в истории это самое обыкновенное дело, гнусное, позорное и все-таки обыкновенное. Отвратительный цинизм, с которым относятся к нему многие высокопоставленные люди, сделался источником неисчислимых бедствий для человечества. И вот история дожила до того, что даже такой человек, как Мирабо, продавал себя.

Октябрь 1789 года

Вожди Национального собрания до того доинтриговались, до того перессорились между собою, что Вольней мог объявить собрание окончательно неспособным к выполнению своей задачи в тогдашнее тревожное время. А потому он предложил отложить все дела в сторону и заняться условиями для избрания новой палаты. Когда закон будет готов, тогда можно будет создать новую палату, а Национальное собрание закрыть. Предложение это было встречено единодушным восторгом, до того члены собрания надоели друг другу. Брат оратора, виконт Мирабо, прибавил к этому предложение, чтобы ни один из представителей настоящего собрания не мог быть избран вновь. Мирабо увидел в этом смертельный для себя удар и вооружился против этих предложений всеми своими силами. Ему удалось отклонить их. Но зато его предложение ввести английский порядок назначения министров из среды народных представителей с предоставлением им права заседать в Национальном собрании не прошло. Неккера он продолжал преследовать и способствовал изданию закона, который предоставлял только палате представителей делать займы и выпускать кредитные знаки. Когда Неккер довел до сведения Национального собрания о распоряжениях, сделанных им на основании данного ему полномочия, Мирабо стал утверждать, что эти распоряжения должны быть обсуждаемы по существу, а не приняты к сведению. Таким образом, он, с одной стороны, всю ответственность за выполнение финансового плана свалил на Неккера, а с другой, – открыл себе возможность способствовать неудаче в исходе дела.

Взяв на себя роль тайного защитника интересов короля, Мирабо тотчас же попал в самое затруднительное положение. В Париже ходили тревожные слухи, которые довели брожение общества до крайних пределов. Король действительно помышлял о том, чтобы бежать по направлению к германской границе и оттуда подавить революцию. Нетрудно было воспользоваться слухом о намерениях Людовика XVI с целью побудить народ захватить его в Версале, привести в Париж и держать там пленником. Такой акт был очень близок к его низложению, а потому вполне соответствовал интересам и видам Филиппа Эгалитэ. Еще более он соответствовал видам Лафайета; если бы король попал в Париж в виде пленника и в то же время продолжал оставаться главою государства, то обязанность охранения царствующего пленника лежала бы на Лафайете; он

должен был бы наблюдать за каждым шагом короля, за всеми лицами, которые имели с ним сношения, и за всем, что творилось около него. Это дало бы ему решительное влияние на дела. Понятно, что он не мог ничего иметь против выполнения подобного плана.

Чтобы защититься от грозно надвигавшейся тучи, двор старался стягивать в Версаль преданные ему полки. Право требовать военную силу принадлежало тогда городским властям. Городские власти Версаля действительно потребовали войска для охранения порядка в городе, но Национальное собрание объявило, что в городе, где оно находится, только оно одно может требовать военную силу, и отказало городским властям Версаля. Войско все-таки явилось, ему устроен был великолепный праздник, и члены королевского семейства всячески ухаживали за ним. Петион обличал этот образ действия в Национальном собрании и вызвал всеобщее негодование своими рассказами о враждебных демонстрациях солдат против революции.

Все ожидали, что Мирабо и теперь, как в прежние времена, произнесет грозную речь и потребует удаления войска. Повидимому, для него невозможно было поступить иначе, не обличив перемены в своем направлении и не подтверждая самых мрачных подозрений относительно его сношений с королем. Между тем намерения Мирабо были противоположны. Он хотел оказать королю величайшую услугу – способствовать его удалению в такое место, где бы он мог управлять страной самостоятельно, опираясь на войско. Такой услугой он надеялся заслужить себе министерский портфель. Чтобы не вызвать против себя подозрений, Мирабо должен был сначала явиться отъявленным врагом короля и королевы. И вот он требует в Национальном собрании, чтобы только одна особа короля была признана неприкосновенной, все же члены королевского семейства подлежали суду наравне с прочими гражданами. Королева жестоко оскорбилась, услышав такое требование. Королю предложены были на утверждение выработанные Национальным собранием статьи конституции. Король соглашался утвердить их *условно* с целью оставить за собой исполнительную власть во всем ее объеме. Мирабо же настаивал на *безусловном* утверждении без всяких задних мыслей о расширении исполнительной власти.

После этого он считал уже для себя возможным направиться к своей цели относительно войск. Он произнес грозную речь, в которой обличал безобразное поведение офицеров, но не настаивал на удалении солдат, а требовал, чтобы дисциплина не ослаблялась и чтобы войскам внушалось уважение к королю и к

Национальному собранию; чтобы войску воспрещены были так называемые патриотические праздники, так как совершенно неприлично пировать в то время, когда народ голодает. Затем он находил неудобным и неблагоразумным дальнейшее обличение ввиду возбужденного состояния народа.

Для того чтобы законодательному собранию легче было проглотить эту пилюлю, Мирабо преподнес ему еще одну конфетку – потребовал, чтобы всякое распоряжение короля непременно было скреплено министром. В то же время он продолжал пугать царствующую чету. Он наводил ужас на Ламарка и двор, уверяя его, что они слепы, что они не видят пропасти перед собою, что чернь будет волочить тела короля и королевы по улицам.

5 октября разразилось возмущение. Толпы женщин и вооруженных мужчин кинулись на Версаль; одни требовали хлеба, другие – чтобы король был переведен в Париж и избрал этот город местом постоянного своего пребывания. После резни народ победил, придворные экипажи были задержаны, королю отрезаны пути к бегству. Мирабо воспользовался смутю, чтобы затеять новую интригу. Мы видели, что когда-то он замыслил вручить регентство герцогу Орлеанскому; теперь он хотел опять устранить короля иверить управление государством другому его брату, графу Прованскому, будущему Людовику XVIII. Немудрено после этого, что королевская чета приписывала восстание 5 октября интригам Мирабо и что Мунье вынужден был исключить его из списка лиц, которые должны были сопровождать короля при въезде в Париж. Между тем Мирабо предложил нераздельность законодательного корпуса и короля, после чего и законодательному корпусу пришлось заседать в Париже.

Вскоре после приезда в Париж Мирабо составил подробный план переселения короля в такое место, где бы он мог управлять страной самостоятельно. По его мнению, король не должен был удаляться к восточной границе, это объяснялось бы намерением подавить революцию с помощью иностранных штыков; ему следовало избрать себе резиденцию на западе, в преданной ему и защищенной войсками местности. Так как король и законодательный корпус нераздельны, то отказ Национального собрания следовать за ним мог бы дать ему повод собрать новую палату представителей. Этот проект составлен был для графа Прованского; если бы он осуществился, то в результате оказалась бы такая же междоусобная война, как при Карле I Английском. Услуга следовала за услугой. Мирабо возражал против назначения королю содержания только на один год; он настаивал на том, чтобы в указах король назывался царствующим милостью

Божьей.

Так как свалить Неккера было слишком трудно, то Мирабо задумал удалить одного из его товарищей, чтобы очистить для себя министерское кресло. Он обвинил министра, графа Сент-При, в том, будто он 5 октября сказал женщинам, требовавшим хлеба: “Когда вы имели одного короля, у вас был хлеб; а теперь, когда у вас 1200 королей, вы к ним и должны обращаться”. Рядом с этим он защищал герцога Орлеанского, которого Лафайет хотел удалить в Лондон за его участие в происшествиях 5 октября. Герцогу все-таки пришлось удалиться.

В то время, когда Мирабо бил таким образом направо и налево, вожди революции почувствовали в своих руках такую большую силу, что задумали захватить власть. Для этой цели назначена была большая сходка в доме госпожи д’Аррагон. Сюда явились не только претенденты на министерские кресла, но жаждущие получить дипломатический пост, место интенданта, губернатора и т.д. Знаменитый триумвират – Дюпор, Барнав и Ламет – тоже был там. На первом плане стоял вопрос о свержении Неккера; оказалось, однако же, что этот человек был еще слишком популярен для того, чтобы возможно было нанести ему такой удар. С целью ускорить его падение придумали сделать его президентом министров, а министром финансов – Талейрана, который своим управлением должен был окончательно его дискредитировать.

Таковы были союзы того времени, они составлялись с целью погубить друг друга. Мирабо чувствовал за собою еще так мало веса, что не решился претендовать на министерский пост, а выбрал для себя место простого советника короля, то есть министра без портфеля. Союз тотчас же начал разлагаться, Мирабо решил действовать против Неккера всеми своими силами. Повод к нападению подало то обстоятельство, что исполнительная власть старалась по возможности препятствовать обнародованию постановлений Национального собрания и в особенности постановления от 4 августа. До Неккера ему не удалось добраться, точно так же, как все его речи о парижском голоде и тамошних беспорядках, а равно и закон об охране, не помогли ему добраться до Лафайета. Генерал держал в эту минуту в руках судьбы Франции, и когда 24 октября министерство доведено было до того, что изъявило готовность уступить свое место другим, более способным людям, тогда от него зависело явиться их заместителем. Но он не изъявлял готовности сделаться советником короля. Зато возникло предположение удалить Мирабо, назначив его куда-нибудь посланником. Как сильно возвысился Мирабо, видно из того, что

он смотрел на такое назначение как на почетную ссылку. В прежнее время он ухватился бы с жадностью за дипломатический пост при каком-нибудь ничтожном германском дворе, теперь же он соглашался только на почетное назначение в Лондон, но с тем, чтобы остаться в Париже и получить от короля письменное удостоверение, что весной он получит министерский портфель. По поводу предложения Талейрана о конфискации церковных имуществ он доказывал, что церковные имущества не принадлежат духовенству, что большая часть этих имуществ пожертвована была церкви королями, а все, что дали короли кому бы то ни было, народ может отнять. Теми имуществами, которые даны были частными лицами и приобретены другими способами, духовенство управляет опять-таки не на правах собственности, а в качестве чиновников государства и народа. Они так же мало составляют его собственность, как корабли – собственность матросов и морских офицеров. Так как всякое право собственности вытекает из государства, то государство имеет право сделать церковные имущества своей собственностью, назначить духовенству жалованье, содержать церкви и помогать бедным за государственный счет.

Глава XI

С ноября 1789 по ноябрь 1790 года

7 ноября Национальное собрание сделало постановление, которым члены собрания лишались права принимать должности министров в течение настоящей сессии. Постановление направлено было прямо против Мирабо и лишало его всякой надежды на исполнение его заветной мечты. Но оратор не унялся, он продолжал нападать на Неккера и, наконец, составил план нового министерства с графом Прованским во главе. Одно отчаяние могло внушить такую мысль; именно в это время раскрылся роялистский заговор и казнен был маркиз Фавра, в котором все видели агента графа Прованского. Мирабо писал для графа защитительные речи и послания, но министерских шансов у него все-таки не было никаких. Втереться в милость короля сделалось господствующей его мыслью, и тем не менее он должен был говорить зажигательные речи, которые приводили короля и королеву в отчаяние, а в стране усиливали анархию. Не он один, а все народные вожди должны были так действовать. Так как они не успели согласиться между собою и создать прочный порядок, то им оставалось одно: восстанавливать народ против правительства и высших классов и держаться на беспорядках.

Король и королева с каждым днем убеждались все более, что они не в силах совладать с бурей. Неккер не был в состоянии водворить порядок, так как не мог поправить финансов; ни конфискация церковных имуществ, ни ассигнации, ничто не помогало; положение было таково, что если бы конфисковали все имущество французов и распродали его на покрытие государственных издержек, то и тогда бы не поправили финансов. Один Лафайет мог еще до некоторой степени поддерживать порядок, опираясь на буржуазию и национальную гвардию. Король должен был его слушаться, назначать на места лиц, которых он ему указывал, но с каждым днем росла народная сила. Кроме старых, выросло много новых вождей; якобинский клуб придавал народной массе такую мощь, что она грозила за аристократией и духовенством низвергнуть в прах и буржуазию. Чтобы противодействовать ему, Лафайет задумал создать клуб умеренных под названием патриотического общества 1789 года. Открытие клуба встречено было шумными проявлениями народного негодования; хотя Лафайет, Мирабо и другие примкнули к нему, но все основные силы оказались в якобинском клубе, и новый клуб остался ничтожным.

По мере того как волна росла, страх все более овладевал

королем и королевой. Мирабо повторял, что для них одно спасение – удалиться из Парижа. Наконец, в мае 1790 года они решились-таки вступить в тайный союз с ним. Из Бельгии выписали Ламарка и через него сделали Мирабо предложение не только заплатить все его долги, равнявшиеся 208 тысячам франков, но также платить ему ежемесячно по 6 тысяч франков и на содержание письмоводителя 300 франков. Сверх того Ламарку вручили миллион франков с тем, чтобы по окончании заседаний Национального собрания передать их Мирабо, если король будет им доволен. Граф был в восторге, он завел себе лошадей, кучеров, лакеев, стал задавать пиры. Но при первой его попытке отстоять интересы короля появилась брошюра о великой измене Мирабо; народ кричал: “На виселицу его!”, Марат пускал в него ядовитые стрелы.

Между Англией и Испанией произошел разрыв, министерство сочло нужным стать на сторону Испании, сделано было распоряжение о вооружении флота. По этому случаю в Национальном собрании возбужден был вопрос о том, кому должно принадлежать право объявлять войну и заключать мир. Восемь дней в собрании происходила ожесточенная борьба, которая взволновала всю страну. Ораторы якобинского клуба хотели предоставить это право народу и его представителям, а короля сделать исключительно исполнителем народной воли. Мирабо намеревался оставить это право исключительно за королем, но вызвал этим такое негодование, что должен был отступить от своего намерения и даже исказить в печати смысл своей первой речи. Правильного решения этого вопроса не было, так как Национальное собрание само помешало созданию министерства из своей среды. Только министры из среды собрания могли бы направлять внешнюю политику согласно с желанием общества. Раз этого нет, отношения неизбежно делаются уродливыми, если общество и законодательное собрание захотят сохранить свою самостоятельность и не станут покоряться министерству. Независимые от собрания министры могут всегда направлять иностранную политику так, что народу останется только повиноваться их воле. Собрание установило совместное действие короля и народных представителей, но это решение создало только новый повод, побуждавший народ принимать все более и более грозное положение, чтобы принуждать и короля, и министров покоряться своей воле.

Наиболее сильным казался в это время Лафайет. Средства, которые Мирабо получал от короля, были ничтожны сравнительно с теми, которыми располагал Лафайет. Чтобы приобрести эти средства, Мирабо должен был отречься от своего

прошлого; ему приходилось провозглашать себя убежденным монархистом. Лафайету ни от чего не приходилось отрекаться: он сохранил вполне и свою независимость, и чистоту. Мирабо тщетно заискивал перед ним. Лафайет считал его ничтожным и союз с ним совершенно для себя излишним. Мирабо возненавидел его жгучей ненавистью и указывал на него королю как на самого опасного врага. В этом было немало близорукости и ослепления. Правда, Лафайет мог играть первую роль на празднике народной федерации, а Мирабо являлся на нем представителем только от того клуба 1789 года, который он тщетно старался противопоставить якобинцам; но величие его было уже более декоративным, чем действительным. Сила переходила совсем в другие руки, он не умел заметить этого и парализовать вражду к себе.

Чтобы спастись от Лафайета, Мирабо советовал королю удалиться в Фонтенбло и окружить себя там преданными войсками; но преданного войска не было более: войско находилось во власти клубов, а не в руках своего начальства. В этом случае Мирабо показал такую же недалёковидность, как впоследствии Лафайет. Жажда сблизиться с королем и королевой продолжала расти в нем, но каждый шаг вперед по этому пути наносил удар его популярности. Он торжествовал, когда устроилось тайное свидание между ним и королевской четой, но тайна открылась и вызвала новый крик об измене Мирабо. Тайна этой связи была очень вредна для короля, так как приучала народ смотреть на него как на крамольника, а на связь с ним как на измену народу.

В Национальном собрании Мирабо мог еще достигать успехов, но эти успехи роняли авторитет собрания. 19 июля 1790 года собрание отменило дворянство и все титулы, – граф Мирабо превратился в Рикети. Постановление было вполне в духе прежнего демагога Мирабо; но Мирабо, преданный слуга короля, брюзжал против него.

На восточной границе командовал войсками Булье, прославившийся кровавой расправой с народом и солдатами; в июле 1790 года доложено было Национальному собранию, что он умышленно распоряжается так, чтобы лишить французов возможности защищаться в случае нападения иностранцев, и даже позволяет им незаметно переходить на французскую территорию. По всей Франции раздался патриотический зов против изменников, и Мирабо не оставалось выбора, – он должен был выдавать себя за якобинца. В это время он доказывал королю и королеве, что для них будет полезно вызвать междоусобную войну, в которой они победят и водворят прочный

конституционный порядок. Французы справедливо гордились тем, что у них все-таки революция, а не междоусобная война, – как ни велики бедствия революции, но их и сравнивать нельзя с ужасами междоусобной войны. Гнусная мысль вызвать во Франции междоусобную войну составляет самое черное из всех пятен на деятельности Мирабо. Притом он напрасно думал, что междоусобная война принесет торжество конституционной монархии; стоит прочесть письма, написанные в августе 1791 года Марией Антуанеттой графу Мерси, чтобы убедиться, что преданное войско в руках короля восстановило бы в окончательном результате автократическую, а вовсе не конституционную монархию. Мирабо сильно заботился о создании королевского войска; по поводу убийства одного из командовавших в Тулоне офицеров он 20 августа 1790 года предложил законодательному собранию полное преобразование армии с целью восстановления дисциплины. На это Марат в своей газете ответил следующими словами: “Я вижу восстание всего народа против этого адского замысла. Если черные (аристократы) и министры будут иметь дерзость приступить к его выполнению, то вы, граждане, должны поставить восемьсот виселиц и повешать на них всех изменников, и в первую очередь негодяя Рикети Старшего”. Со времени уничтожения титулов граф Мирабо стал называться Рикети Старшим. То обстоятельство, что он не имел возможности помешать Марату возбуждать против него народную ненависть подобными речами, доказывало, что его план создать преданную королю армию не может удалиться. Мирабо поправил свою репутацию, когда всплыло дело о происшествиях 5 октября. Следствие по этому делу произведено было в парижском суде Шатене, но так как обвиненными являлись народные представители, Мирабо и герцог Орлеанский, то все документы переданы были на рассмотрение Национального собрания для разрешения вопроса о предании их суду. Мирабо так ловко повернул дело, что суд из обвинителя превратился в обвиненного, а Мирабо из обвиненного – в обвинителя. Он доказывал, что суд Шателе по делу 5 октября разыскивал не виновных в государственных преступлениях, а обвинительные пункты против дела революции. В окончательном результате речь шла уже не о том, следует ли предать суду герцога Орлеанского и Мирабо, а о том, что у суда Шателе следует отнять право производства политических следствий, так как он оказывается к ним неспособным. Через три недели суд был лишен полномочий. Рядом с этим возникло другое обвинение против Мирабо. Эмиссар Риоль после своего ареста дал показание, в котором запутал оратора. Мирабо с большим эффектом сопоставил эти два

обвинения. Его обвиняют и как революционера, и как контрреволюционера; если последует осуждение, то он просит об одном, чтобы из него сделали мученика за дело революции.

Эти обвинения вернули Мирабо всю его популярность, даже якобинцы устраивали ему оvation; но у королевской четы он вызывал страх, а не сочувствие.

В это же время ему удалось достигнуть давней своей цели – низвергнуть Неккера. Четыреста миллионов ассигнаций издержаны были почти вполне, а нужда не уменьшилась. Для покрытия государственных издержек приходилось изыскивать новые меры. Комиссия Национального собрания ничего нового не придумала, а нашла, что выпущенные ассигнации ценою от двухсот до тысячи франков были слишком крупны, что при выпуске билетов меньшей ценности можно было значительно увеличить их число; поговаривали о выпуске миллиарда восьмисот миллионов; рядом с этим следовало продолжать продажу национальных имуществ. Неккер составил записку, в которой указывал на опасность подобных мер. Мирабо потребовал, чтобы его выслушали прежде рассмотрения записки Неккера, и собрание согласилось. Речь его встречена была шумными восторгами, единогласно решено было напечатать ее для распространения в стране. После этого целый месяц продолжались ожесточенные дебаты. Якобинцы окончательно стали на сторону Мирабо. Продажа национальных и конфискованных имуществ возбуждала всеобщий восторг в стране; имущества богатых людей переходили к бедным за бесценок, комплектовался класс крестьян – мелких собственников. Выпуск ассигнаций был настолько же популярен: он давал возможность покрывать государственные издержки и удовлетворять потребности народа, не возвышая податей. Рабочие не были достаточно дальновидны, чтобы понять, что таким образом цена денег падала и их заработная плата уменьшалась так, что покрывать государственные издержки возвышением податей было для них более выгодным. Уже самый способ удовлетворения государственных потребностей обуздывал бы в этом случае легкомысленную расточительность.

Мирабо, по природе своей склонный к самой безумной расточительности без всякой мысли о будущем, был именно тем человеком, который мог защищать подобную меру с беззаветным энтузиазмом. В эту минуту он был похож на певца с очень громким голосом, который взял ноту, покрывшую хор, оркестр и всех поющих. Вся страна говорила и кричала во всю мочь по поводу ассигнаций, речи, брошюры сыпались со всех сторон, но голос Мирабо заглушил их всех. Неккер должен был подать в

отставку. Нелишне заметить, что Мирабо долго нападал на Неккера именно за то, что проповедовал теперь сам; тогда Неккер оказывался необходимым, а теперь, когда он вздумал честно противодействовать банкротству, – он пал. Мирабо торжествовал; он хотел принудить к отставке всех министров, но министры вовсе не желали оставлять насиженные места. Восстание матросов в Бресте дало ему случай сделать нападение на все министерство; он хотел, чтобы законодательное собрание выразило ему недоверие. С этой целью Мирабо соединил для общего действия четыре комиссии собрания, из которых в двух, в военной и дипломатической, он заседал. Сблизившись с якобинцами, он хотел создать министерство из их среды. Чтобы расчислить им путь к власти, Мирабо домогался отмены постановления 7 ноября, которое воспрещало народным представителям принимать министерские портфели. Достигнуть отмены этого закона ему не удалось: министерство подавало в отставку, но король принял ее только от морского министра, и его место было замещено сторонником Лафайета. Оказалось, что Мирабо работал на пользу злейших своих врагов. Блестящие с виду перспективы наполнили его жизнь такими неприятностями, что с ним случился припадок, едва не стоивший ему жизни. Мирабо советовал королю не дожидаться того времени, когда народ принудит его отставить министров, а распорядиться самому, но так как король его не слушал, то он задумал сделать последнюю попытку в пользу короля. Он отправился в якобинский клуб, где сочиняли петиции против министров с целью распространить по всей стране для подписи. Мирабо превзошел всех в резкости своих обвинений, но пришел к заключению, что самое верное средство погубить министров состоит в том, чтобы предоставить их собственному неразумию. Прежде чем министерство успело пасть, Мирабо наделал много шума своими речами о введении трехцветной кокарды во флоте. Между консерваторами ненависть к нему достигла высшей степени; священник Перети пытался в ноябре 1790 года заколоть его стилетом.

Крайне типично для революционного времени положение Мирабо: он действует то в пользу консерваторов, то в пользу радикалов, сближается то с теми, то с другими, в сущности же всех их одинаково ненавидит, причем все одинаково считают его изменником и за ненависть платят ему еще более жгучей ненавистью. В это же время случился с ним другой типический анекдот. Аристократ Кастри ранил на дуэли якобинца Ласкета, за что народ разнес его дом. Консерватор Малуэ уступил Мирабо свою очередь с тем, чтобы он за это дело пустил стрелу в

Лафайета. Когда Мирабо вошел на трибуну, аристократы встретили его такими оскорблениями, что он внезапно переменил фронт и произнес одну из самых зажигательных своих речей, возбуждая общество против контрреволюционеров. Рядом с этим Мирабо в интригах своих против Лафайета дошел до того, что уверял королеву, будто Лафайет старается воскресить знаменитое дело об ожерелье, обвинить королеву в прелюбодеянии и достигнуть развода между ею и королем. За напоминание об этой истории королева должна была одинаково возненавидеть обоих, и все-таки Лафайет опять одолел. Когда Дантон явился в законодательное собрание во главе депутации от 48 секций Парижа и требовал удаления министров, король должен был повиноваться, но в составлении нового министерства он руководствовался советами Лафайета; в нем не было ни одного человека, который мог бы служить посредником между Мирабо и королем.

Глава XII

Последний период деятельности Мирабо. – Смерть

Король и королева так возненавидели Мирабо, что намеревались даже лишить его денежных пособий. Ультрамонтанская часть духовенства протестовала против распоряжений Национального собрания, касавшихся организации церкви. 27 ноября 1790 года Мирабо произнес речь, в которой заявлял, что ему приходится защищать католическую церковь против ее служителей; он проводил идею, о которой мы уже говорили и которая должна была превратить духовенство в государственных чиновников. Тут яснее всего обличался весь тот великий вред, который приносит обществу организация католического духовенства. Избрание духовенства верующими, исключительная его зависимость от них, вытекающая из свободы совести, имели в то время много приверженцев, но влияние коренной католической идеи было еще так сильно, что Мирабо мог лишь слегка коснуться этого воззрения. Вся его речь направлена была против ультрамонтанского духовенства и в пользу патриотического. Уже и то казалось большим выигрышем, если духовенство, совершенно независимое от народа и назначаемое иностранным государем, то есть папою, заменится хотя отчасти избираемым и вынуждено будет уважать учреждения своей страны, а не возбуждать против них народ. Французские короли сами не раз боролись с ультрамонтанством; по-видимому, в речи Мирабо не было ничего такого, что должно было вызвать гнев короля. Однако же оказалось, что и король, и королева до такой степени находились под влиянием ультрамонтанского духовенства, что именно эта речь вызвала в них мысль о разрыве.

Но если с этой стороны над ним подымалась гроза, то с другой у него неожиданно создалась связь с одним из министров. Из прежнего министерства портфель удержал только Монморен; когда-то он был врагом Мирабо, но теперь чувствовал себя одиноким и для своей поддержки вступил с оратором в тайный союз. Цель союза заключалась в том, чтобы низвергнуть не только Лафайета и его сторонников, но все Национальное собрание, и усилить власть короля.

Тут мы видим образ действий, который повторялся всеми вождями революции: стремление подчинить себе безусловно все и всех постоянно разгорается в них; их ненависть к другим вождям растет с часу на час; их планы низвержения делаются все шире; со средствами, находящимися у них в руках, они несколько не соображаются, а считают все для себя возможным. Мирабо пока

действует еще интригами; впоследствии будут действовать арестами и казнями, и, наконец, Наполеон – общеевропейской войной: вместо тысяч казненных явятся сотни тысяч избиваемых на полях сражения. Из французского энтузиазма сделано будет чудовищное злоупотребление, и чем громче будет слава, тем неизбежнее она приведет к великим страданиям и к позору. Дело, которое защищал Мирабо, в сущности с каждым днем ускользало у него из рук, но он этого не замечал и считал для себя возможным бороться с возрастающим числом врагов, которых сам искусственно себе создавал. Он составил обширный проект наблюдения за всей страной и воздействия на нее путем печати. Повсеместно должны были находиться соглядатаи, которые бы неустанно доносили правительству о состоянии умов; к ним присовокуплялись странствующие шпионы и официозные литераторы, которые до тех пор давили бы на сознание через прессу, пока весь народ не стал бы думать так, как нужно правительству. Подкуп влиятельных лиц должен был играть также большую роль; самая же значительная выпадала на долю Мирабо, который хотел заставить Национальное собрание наделать столько глупостей, чтобы окончательно уронить его в глазах общественного мнения и побудить весь народ искать спасения у короля. План был неосуществим просто с денежной точки зрения, не говоря о прочем: в распоряжении имелся лишь ежегодный бюджет короля, а между тем один расход на тайную полицию потребовал бы 240 тысяч ливров в месяц. Даже самого Мирабо народ слушал только в том случае, когда он применялся к нему и возбуждал против себя консерваторов и короля; он одушевлялся новыми ораторами, за которыми шел прямо в противоположную сторону; было слишком очевидно, что он не станет читать официозных писак. Обширные планы оставались без исполнения, и все-таки казалось, что Мирабо хотя медленно, но подвигается к своей цели. По вопросу об организации духовенства оратору не удалось заставить Национальное собрание наделать глупостей и разделить французский народ на две неравные половины: одну многочисленную и фанатическую, которая стала бы на сторону ультрамонтан и короля, а другую – малочисленную и бессильную с политическими мечтателями во главе. Влияние ультрамонтанского духовенства падало, а не возрастало. Сам Мирабо держал себя в этом деле так, что его план имел вид басни, сочиненной им для того, чтобы обойти своих покровителей. Его речи возвышали его популярность в народе, в котором они сеяли ненависть, а не приверженность к ультрамонтанам. Низвергнуть Национальное собрание в пользу короля было невозможно, но под ближайших врагов своих

Мирабо продолжал подкапываться. Один полк национальной гвардии выбрал его своим полковником. Таким образом он мог получить возможность ближе наблюдать за Лафайетом, но из этого ничего не вышло. Через три дня усилилось его влияние на администрацию Парижа, так как он вместе с Талейраном, Дантоном, Сиесом и Ламетом попал в число тридцати шести администраторов города. Наибольшее значение для Мирабо имело то обстоятельство, что он наконец огромным большинством выбран был председателем Национального собрания; при этом влияние консерваторов имело немало значения. Но если председательство в якобинском клубе не мешало падению его дела, то и председательство в Национальном собрании не могло ему помешать. Мирабо удалось парализовать меры против эмигрантов, что могло понравиться королеве; но для достижения такой цели оратор в своей речи должен был просить короля, чтобы он побудил эмигрировавших членов королевского семейства дать присягу на верность конституции. Напоминая этим народу об измене среди царствующего дома, он, конечно, не мог содействовать усилению королевской власти. Все, что делал Мирабо, носило характер обоюдоострый. Внутреннее противоречие в его поведении было таково, что никто не мог знать, следует ли видеть в нем сторонника или врага; он всем угождал и всем досаждал в одно и то же время; в одно и то же время он был и радикальнее, и консервативнее Лафайета. Перед двором он окрашивал себя консервативным цветом, был злейшим врагом республиканского будто бы образа мыслей Лафайета, героя двух миров; перед якобинцами он с яростью красного нападал на Лафайета, современного мажордома. По поводу закона об эмигрантах он прибывал к позорному столбу семейство короля и доказывал, что всем можно простить эмиграцию, но не членам королевского дома, возможным наследникам престола, и в то же время бросал перчатку якобинцам, доказывая, что, если они проведут закон против эмигрантов, то он откажется повиноваться ему; на поднятый ими шум он произнес свое знаменитое: “Молчать, тридцать голосов!”

В конечном результате выходило, что он старался угодить и тем, и другим, – непостижимая скользкая изворотливость змеи. В ответ на все это Мирабо осыпали отовсюду дерзостями, которые далеко оставляли за собою его собственную невероятную дерзость. Мирабо не был исключением; люди, имевшие два лица, люди, о которых никто не знал, должен ли он в них видеть друзей или врагов, составляли тогда правило. Палач Булье разыгрывал роль сторонника Лафайета и даже перед Ламарком боялся снять свою маску, несмотря на то, что Ламарк принес ему записку от

короля; он уступил с такими предосторожностями, что душа его по-прежнему оставалась потемками.

После дела об организации духовенства Мирабо пришлось играть первостепенную роль по вопросу об усилении вооружений на случай войны с соседями. Слухи о враждебных намерениях соседних держав сильно возбуждали общественное мнение; Мирабо явился докладчиком соединенных комитетов военного, дипломатического и сыскного. Докладом своим от 28 января 1791 года он старался успокоить умы, доказывая, что ни одна держава не имеет ни повода, ни интереса воевать с Францией; но при этом все-таки пришел к заключению, что следует укомплектовать тридцать полков пехоты и двадцать полков кавалерии с соответственным числом артиллерии за счет чрезвычайных расходов. Мирабо стал усердно заниматься иностранной политикой, чтобы оказывать услуги покровителю своему, министру иностранных дел Монтморену. Обожатели Мирабо жаловались на несправедливость Национального собрания, которое так долго медлило, прежде чем избрало его своим председателем; на президентское кресло он попал только сорок четвертым.

В течение двух недель своего председательства он перестал говорить деловые речи и произносил только парадные по случаю приема разных депутаций. Мирабо успел, впрочем, и тут отличиться. Когда он явился от имени Национального собрания по делам к королю, то дал урок придворной челяди, доказав ей, что президента законодательного корпуса нельзя заставлять дожидаться, как других, в королевской передней.

Очень большой проблемой был отъезд двух теток короля. Несмотря на все старания Мирабо дискредитировать Национальное собрание и заставить народ искать себе убежища в усиленной власти короля, положение Людовика XVI и его семейства делалось с каждым днем все более невыносимым. Бежать от народа, спастись из страны было единственной мыслью, которая преобладала над всеми прочими. Но чем упорнее эта мысль преследовала семью короля, тем более она вызывала подозрений в народе, так как влекла за собою контрреволюцию, иностранное нашествие, все бедствия войны и возвращение деспотизма. Мирабо должен был способствовать успокоению народа и законодательного собрания и открыть свободный проезд за границу для королевских теток. Дело было устроено, паспорта выданы, тетки едут в Рим; но народ везде встречает их с мрачным подозрением, нужно вмешательство солдат, чтобы пролагать им путь. В одном месте их хотя и задержали, но отряд кавалерии силою отворяет им городские

ворота; в другом ничто не помогает, их задерживают, им остается жаловаться Национальному собранию. Дело поступает туда в феврале 1791 года, как раз во время президентства Мирабо. Ему удается его уладить. Со свойственной ему изворотливостью он пользуется этим случаем, чтобы нанести удар военному министру, которого королева ненавидела за его якобинский образ мыслей, и нажать себе нового врага. Мирабо пытался обвинить его в том, что кавалерия силою открыла городские ворота при проезде королевских теток. Тут, как всегда, Дантон поддерживал Мирабо в городском совете, а Мирабо старался бросить тень в якобинца – военного министра за то, что он будто бы способствовал проезду королевских теток, между тем как сам Мирабо хлопотал об обеспечении этого проезда.

Жизнь Мирабо подходила к концу – он умирал под тягостью непосильного бремени, которое взвалил себе на плечи. Не он один, – все великие герои революции чувствовали безмерную тягость этого бремени; Марат убит был полумертвым, он так же быстро сгорел, как и Мирабо; все время господства Робеспьера натянутое настроение его духа напоминало струну, готовую лопнуть. Не одни герои, – все, отдавшиеся революции душою и телом, чувствовали себя в состоянии неестественного и безысходного напряжения, в котором человек не может находиться долго, из которого он непременно выйдет, но выйдет, пожертвовав тем, что было для него всего дороже, – целью, к которой стремился. Откуда произошло такое отчаянное настроение духа? Люди не поняли того пути, которым они должны были идти, чтобы разрешить свою задачу. Почти в то же самое время, когда французы сбрасывали с себя иго деспотизма, другой народ, еще более угнетенный, сделал то же: то были креолы, населявшие испанские колонии Америки. Деспотизм французских королей был мягким и отеческим управлением по сравнению с тиранией испанцев над креолами. Управление испанцев в Америке было несколько не лучше варварского режима турецкого султана и персидского шаха: как на Востоке, испанский чиновник в Америке мог нередко брать у жителей все, что ему понравится. Восстав против необузданного гнета, креолы совершили на своей родине такой же великий переворот, как французы во время революции. В известном смысле они сделали больше. И все-таки они не умели понять тот путь, которым следовало идти для достижения цели, – тот образ действий, которого им следовало держаться. У креолов точно так же, как у французов времен революции, каждый руководитель народа, собравший вокруг себя кучку преданных людей, стремился силою завладеть всем государством и вертеть им, как угодно. В минуты

восстания против испанского владычества, в дни величайшей опасности, когда метрополия висела над ними грозной силой, руководители революции дрались между собою. Вооруженные креолы одновременно резались и с испанскими солдатами, и друг с другом. Конечно, они при этом проявили не менее героизма, чем французы в борьбе с Европой и испанцы в борьбе с Наполеоном, и освободились от своих угнетателей навсегда, но их образ действий не мог не отозваться на их будущем существовании. Междоусобная резня и вражда помешали им создать из себя одно могущественное государство, которое способно было бы отвечать всем требованиям политической жизни, прогресса и цивилизации. Ни народная школа, ни высшее образование не могли быть организованы удовлетворительным образом. Республики креолов в Америке не были в состоянии сделаться равноправными членами европейской цивилизованной семьи, вести с нею равноправный диалог, играть в науке, в цивилизации и в промышленном движении такую же роль, какую играют Соединенные Штаты, Англия, Франция и Германия. Научное и промышленное развитие, народное образование и благосостояние, – все тормозилось неумением создать в своей среде свободное управление, способное отвечать всем требованиям народного благосостояния. Во Франции вражда вождей революции дала другой результат: с первых дней переворота они поняли, что несогласия скорее всего приведут к распадению страны, и для предупреждения такого результата не только провозгласили государство единым и нераздельным, но с несокрушимой энергией поддерживали такую нераздельность на деле. Это существенно повлияло на исход движения. В то время, когда у креолов Америки ни один из народных вождей не мог получить окончательного преобладания и страна разделилась на мелкие республики, сохранившие до сих пор свой антимонархический режим, во Франции времена, когда вожди могли противопоставлять друг другу достаточный противовес, продолжались весьма недолго. Диктатура следовала за диктатурой; каждый из диктаторов немедленно прекращал свободное движение в стране и водворял гробовое молчание; воспрещалось все, кроме восхваления его режима. Но именно поэтому режим не мог ничего сделать для народа даже при фантастической преданности диктатора его интересам или при редких способностях господствующего вождя. Французы так же мало достигли цели, с которой народ совершил революцию, как и креолы. Анархия американских республик так же существенно препятствовала развитию страны, как во Франции бюрократия, убивавшая в стране и умственную жизнь, и благосостояние; и

креолам, и французам пришлось в течение XIX века совершать сизифову работу, делать величайшие усилия, приносить жертвы, переносить нечеловеческие страдания, совершать героические подвиги только для того, чтобы все пропало без пользы из-за нелепого поведения вождей и чтобы после долгого периода безнадежной апатии приниматься за дело сначала с мрачной перспективой будущих неудач перед глазами. Американцам Соединенных Штатов не приходилось завоевывать вновь то, что ими раз уже было отвоевано путем революции и затем утрачено через нелепое поведение их вождей. С самого учреждения республики свобода сделалась уделом только белого населения, негры же остались рабами. И вот оказалось, что рабство кладет такой тяжкий гнет на умственную жизнь рабов, что негры в течение целого столетия не могли освободиться от рабства, хотя жили среди самого свободного народа на свете; за них должны были это сделать свободные люди, и притом после тяжелой и кровавой борьбы с рабовладельцами.

2 апреля 1791 года Мирабо умер. Тело его помещено было наряду с великими людьми Франции; один Марат отнесся к нему с ненавистью и порицанием. Этот Марат, так же, как Мирабо, умерший в минуту своего величия и погребенный с такими же почестями, вытеснил великого трибуна из его славного помещения и занял его место.

Французы XVIII и XIX веков оказались самым впечатлительным и самым талантливым народом современной цивилизации. Их философствующая интеллигенция времен Руссо, Дидро и Вольтера шла во главе цивилизации, но их деятельная интеллигенция до 1870 года не умела дать народу тех вождей, которые нужны были ему для совершения великого дела; она развила в нем сначала зверство, а потом гибельную для страны воинственность, вместо того, чтобы направить его силы на создание прочных прогрессивных учреждений. Современная французская республика доказала нам, что неудача Великой французской революции зависела вовсе не от народного характера, а от неопытности и дурных инстинктов ее вождей; лишь только они пошли по верному пути, перед ними открылась возможность создавать прочные прогрессивные учреждения.

Источники

1. *Mirabeau* peint par lui-meme ou recueil des discours, qu'il a prononces, des motions, qu'il a faites, tant dans le sein des communes qu'a l'Assemblée rationale. – Paris, 1791. 4 тома.

2. Essai sur le despotisme. Troisieme edition par *Gabriel Honore Riquetti-Mirabeau*. – Paris, 1792, лучшее из изданий этого сочинения.

3. *Lettres inedites de Mirabeau, memoires et extraits de memoires, ecrits en 1781, 1782 et 1783, publie par T. F. Vitry*. Paris, 1806.

4. Choix de rapports, opinions et discours, prononces a la tribune nationale depuis 1789 jusqu'e ce jour. – Paris, 1819. 20 томов.

5. *Oeuvres de Mirabeau, precedees d'une notice sur sa vie et ses ouvrages, par M. Merilhon*. – Paris, 1827. 9 томов.

6. Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck, prince d'Aremberg, pendant les annees 1789,1790 et 1791, recueillie, mis en ordre et publiee par *M. Ad. de Bacourt*. Bruxelles, 1851.

7. Die Weltgeschichte in Biographieen von *Dr. K. W. Bottiger*. – Berlin, 1843. 7. Bd, 56. *Gabriel Honore Riqueffi, Graf von Mirabeau*.

8. Les Hommes de la Revolution, par *A. de Lamartine*. – Paris, 1865. – *Mirabeau*.

9. Les *Mirabeau*, nouvelles etudes sur la societe francaise au XVIII siecle, par *Louis de Lomenie*. – Paris, 1889.

10. Das Leben *Mirabeau's*, von *Alfred Stern*. – Berlin, 1889.

Сверх того, материалом служили истории Великой французской революции разных авторов. Они важны, с одной стороны, потому, что дают сведения о Мирабо в связи с другими событиями Великого переворота, причем истинное значение роли великого оратора обозначается яснее; кроме того, взгляды писателей различных времен, национальностей и направлений, освещая деятельность этого человека различной окраской, помогают правильной его оценке.